• РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

RELIGIOUS LIFE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(571)
https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-161-191
EDN SOUKFC
Научная статья / Original article

О. В. Семенов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация

Сибирские ямщики в структуре российского общества до конца XVII в.

Аннотация. В статье анализируется социальная природа верхотурских, туринских, тюменских, демьянских и самаровских ямщиков на раннем этапе русской колонизации Сибири. В значительной степени автор опирается на неопубликованные материалы (хранящиеся в архивах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска), впервые введенные в научный оборот. Применены системный, сравнительный, типологический, генетический и антропологический методы исторического исследования. Отмечено, что за Уралом раньше, чем в большинстве районов европейской части России, завершился процесс превращения ямщиков в слой профессиональных перевозчиков. Изучена служебная деятельность жителей сибирских ямов, показана их заметная роль в экономической, общественной и религиозной жизни региона. Сделан вывод, что ямщики были особой социальной группой, искусственно созданной властями для удовлетворения казенных нужд, довольно многочисленной и в целом непривилегированной. От остального населения они отличались функциями, внутренней организацией (светским и церковным самоуправлением), корпоративным самосознанием. Некоторыми чертами ямщики сближались с другими слоями (в первую очередь с беломестными и городовыми казаками, стрельцами, посадскими людьми, крестьянами), что неудивительно, учитывая необыкновенную сложность общественного устройства Московского царства. На протяжении XVII в.

© О. В. Семенов, 2026
CC BY-NC

шла консолидация чина ямщиков (не завершившаяся к концу рассматриваемого периода), ухудшалось их материальное и правовое положение, наблюдалось все более грубое вмешательство государства в жизнь ямских миров.

Ключевые слова: Сибирь, ямская гоньба, ямщики, общественное устройство, светское и церковное самоуправление, корпоративное самосознание

Для цитирования: *Семенов О. В.* Сибирские ямщики в структуре российского общества до конца XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2026. № 55. С. 161–191. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-161-191; EDN SOUKFC

Поступила в редакцию 26.03.2026
Принята к публикации 24.06.2026

Oleg V. Semenov

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

Siberian Yamshchiks in the Structure of Russian Society until the End of the 17th Century

Abstract. The article analyzes a social nature of postal courriers *yamshchiks* of Verkhoturie, Turinsk, Demyansky and Samarovsky places during the early stages of Russian colonization of the Siberian region. The author draws heavily on the previously unpublished materials (from the archives and museums of Moscow, St. Petersburg, and Tobolsk) introduced into scientific circulation for the first time. The methods of historical research employed in the study are as follows: systematic, comparative, typological, genetic, and anthropological. It is noted that in Siberia yamshchiks became a professional class of carriers earlier than in European Russia. The professional activities of Siberian yamshchiks have been studied, and their important role in the economic, social, and religious life of the region has been shown. The author concludes, the yamshchiks constituted a distinct social group — fairly numerous and generally unprivileged — that was artificially created by the authorities to meet state needs. These coachmen performed specific functions and had an internal organization (secular and church self-government), as well as group self-awareness. In some ways, yamshchiks were similar to other social groups (cossacks, streltsy, townspeople, and peasants), which is not surprising given the complex structure of the Muscovite Tsardom. In the 17th century, the process of consolidation among the yamshchiks was underway, their property and legal status was deteriorating, and the state was increasingly interfering in the lives of the communities.

Keywords: Siberia, yamskaya gon'ba, postal riding, yamshchiks (coachmen), social structure, secular and ecclesiastical self-government, corporate identity

For citation: Semenov O. V. Siberian Yamshchiks in the Structure of Russian Society until the End of the 17th Century. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2026, no. 55, pp. 161–191. https://doi.org/10.24412/2224-5391-2026-55-161-191

Submitted on 23 March, 2026
Accepted on 24 June, 2026

К числу важнейших мероприятий Избранной рады принадлежит реформа связи, благодаря которой улучшилось качество правительственных сношений в стране. Она привела к возникновению ямских охотников (ямщиков)[1]. В литературе эта категория населения изучена слабо. Не вполне ясен общественный статус ямщиков. Зачастую исследователи обходили данный вопрос стороной либо относили ямщиков к служилым людям или тяглецам[2]. Дополнительную остроту этой проблеме придают непрекращающиеся в научной среде споры о стратификации общества допетровской России[3]. Не решаясь рассматривать ямщиков в масштабах всего государства (в силу объемности темы и регионального своеобразия), попытаемся определить их социальную природу в Сибири на раннем этапе русской колонизации края.

После выхода Москвы за Урал перед правительством встал вопрос о налаживании надежной связи с далеким и обширным регионом. С конца XVI в. на основных транспортных артериях Западной Сибири один за другим возникли Верхотурский (1600 г.), Туринский (1600 г.), Тюменский (1601 г.)[4], Демьянский и Самаровский ямы (конец 1620-х — начало 1630-х гг.)[5]. Ямская гоньба «за Камнем» была частью общероссийского организованного сообщения. Однако

[1] Для второй половины XVI–XVII вв. понятия «ямщик» и «ямской охотник» синонимичны.

[2] См., напр.: *Анхимюк Ю. В.* Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 287; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 172, 195; *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 202; *Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 46; *Хлебников Н. И.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 274–275.

[3] В этом отношении примечательна недавно увидевшая свет коллективная монография «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.», в которой на основании ограниченного круга источников и при слабом знакомстве с тогдашней действительностью была предложена новая концепция устройства московского общества допетровского времени. Ее несостоятельность блестяще показал Д. В. Лисейцев в рецензии на данную работу (Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 127–136; *Лисейцев Д. В.* Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. // Российская история. 2021. № 1. С. 157–163).

[4] В 1623 г. Тюменский ям был ликвидирован, однако в 1630 г. его восстановили.

[5] *Семенов О. В.* Ямская гоньба в Сибири до конца XVII в.: проблема появления и функционирования // Cahiers du Monde russe. 2019. № 60 (1). С. 149–157, 158–163.

она имела особенности, которые в европейской части России к началу Смуты встречались в виде исключения. В Сибири вся полнота власти над правильными сношениями находилась в руках воевод, а решением вопросов, связанных с учреждением и функционированием ямов (в т. ч. их комплектованием и содержанием) целиком занималось государство. Поэтому здесь раньше, чем на большинстве территорий страны, завершился процесс превращения ямщиков в слой профессиональных перевозчиков[6].

«За Камнем» функционировали средние по размерам ямы. Всякий из них насчитывал 50 паев (вытей). Верхотурский, Туринский и Тюменский ямы размещались на Туре (соответственно при Верхотурье, Туринске и Тюмени)[7]. Демьянский и Самаровский ямы являлись отдельными, удаленными от городов поселениями. Они находились в низовьях Иртыша и подчинялись тобольским воеводам[8]. Ямщики выполняли специфические обязанности, заключавшиеся в почти круглогодичных транспортировках следовавших по государственной надобности лиц, казенных документации и грузов (на языке того времени, «служили ямскую службу»)[9]. Перевозки осуществлялись посуху и по воде. Для этого ямщики держали лошадей с упряжью, телегами, санями[10] и суда (лодки, дощаники) «со всякою снастью». Самаровцы (порою и демьянцы) «зимним путем» выставляли и нарты, запряженные собаками. Гоньба велась по нескольким направлениям. Верхотурские ямщики ездили до Соликамска, Туринска, Пелыма, в глубь Верхотурского и соседних уездов (вдобавок с 1623 по 1678 гг. они перевозили от Тагила до Верхотурья), туринские — до Верхотурья,

[6] Как правило, в европейской части России к началу XVII в. ямщиков в качестве повинности выставляли из своей среды тяглецы. Они же их содержали. Гоняя за население, ямщики сохраняли с ним тесную связь (материальную, социальную, психологическую). По истечении срока найма или при разорении они возвращались «в сохи». В случае их смерти та же участь постигала ямские семьи. Это ослабляло зависимость ямщиков от государства и препятствовало формированию на ямах устойчивых коллективов. Лишь в царствование Михаила Федоровича начался массовый перевод ямщиков на государственный набор (эта практика стала общей к концу 1640-х гг.) и обеспечение (что в большинстве случаев произошло к 1620–1621 гг.) (*Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900. С. 220–222, 231–232).

[7] Река Тура — главная коммуникация, соединявшая бассейны Камы и Иртыша.

[8] По Нижнему Иртышу шел путь, связывавший Тобольск с севером и востоком Сибири.

[9] Право пользоваться услугами сибирских ямщиков давали подорожные грамоты. В Москве они предоставлялись Ямским приказом по памятям «о подводах» из Казанского дворца (с 1637 г. — из Сибирского приказа). В конце XVII в. (возможно, раньше) право выдачи этой разновидности проездных документов получил Сибирский приказ. На местах подорожные оформлялись управленцами различных мастей — воеводами, слободскими (в т. ч. ямскими) приказчиками, ямскими стройщиками, заставными головами и т. д.

[10] Обычно в телегу или сани впрягали одну лошадь. Однако в распутицу и «под тяжелые возы» ямщики могли предоставить «под одну подводу — по две лошади и по три». В этом случае лошадей запрягали гусем (друг за другом). Известная позднее упряжка тройкой в ряд (в центре коренник, по бокам пристяжные) в рассматриваемое время не применялась.

Тюмени, Пелыма, в глубь Туринского и близлежащих уездов, тюменские — до Туринска, Тобольска, в глубь Тюменского и смежных с ним уездов (возможно, изредка до Пелыма), демьянские — до Самаровского яма, Тобольска, «в ясашные волости», самаровские — до Демьянского яма, Сургута, Сухоруковых юрт (вероятно, иногда до Коды и Березова) и в ясачные волости. В некоторых случаях ямщики гоняли в обратную сторону и «через ямы». Со временем, по мере освоения «дальней государевой отчины», интенсивность перевозок возрастала (с определенными колебаниями)[11]. Помимо транспорта и обслуживающего персонала (проводников, кормщиков, гребцов), ямщики предоставляли путникам корм (провиант и питье)[12] и кров (с целью отдыха и ожидания готовых подвод), для чего на ямах устраивались постоялые дворы.

Наряду со служилыми, оброчниками и ружниками ямщики были «жалованными людьми». За гоньбу им выплачивалось денежное и хлебное обеспечение из казны[13]. Вдобавок они получали наделы, включавшие дворовые (усадебные) места, огородные, пахотные и луговые земли. Впрочем, с целью сокращения государственных расходов, натуральные оклады насельников большинства «закаменных» ямов почти сразу были ликвидированы. «За

[11] Подвод ямщики отпустили: *верхотурские* — в 1628/29 г. — 1 272 подводы (по другим данным, 1 310), в 1629/30–1630/31 гг. — 2 074, в 1689/90 г. — 1 422, в 1690/91 г. — 1 410, в 1697/98 г. — 1 752, в 1698/99 г. — 1 682 (по другим данным, 1 697); *туринские* — в 1629/30–1630/31 гг. выставили 2 499 подвод, в 1681/82 г. — 1 187, в 1686/87 г. — 1 498, в 1687/88 г. — 1 143, 1688/89 г. — 1 122, 1690/91 г. — 1 445, 1693/94 г. — 1 147, 1694/95 г. — 1 444, 1697/98 г. — 1 459, 1698/99 г. — 1 604; с *Тюменского яма* в 1630–1630/31 гг. — 2 144 подводы, в 1632/33 г. — 1 368, в 1686/87 г. — 1 673, в 1696/97 г. — 1 339; *самаровцы* в 1642/43 г. предоставили 648 подвод, в 1682/83 г. — 1 024, в 1684/85 г. — 824, в 1685/86 г. — 1 229, в 1686/87 г. — 889, в 1689/90 г. — 1 378, в 1690/91 г. — 1 023, в 1691/92 г. — 1 049, в 1692/93 г. — 809, в 1693/94 г. — 833, в 1694/95 г. — 1 029, в 1695/96 г. — 729, в 1696/97 г. — 1 478, в 1697/98 г. — 786, в 1698/99 г. — 941; на *Демьянском яме* путникам было выделено: в 1684/85 г. — 703 подводы (по другим данным, 792 или 831), в 1685/86 г. — 1 085, в 1686/87 г. — 846, в 1687/88 г. — 877, в 1688/89 г. — 808, в 1691/92 г. — 1 032, в 1694/95 г. — 1 067, в 1695/96 г. — 910, в 1696/97 г. — 1 290 (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 316 об.; Кн. 761. Л. 139 об., 164, 168 об.; Кн. 801. Л. 2–68, 70–173 об., 176–266, 268–344, 519, 614, 648 об., 693; Кн. 906. Л. 184–184 об.; Кн. 938. Л. 86; Кн. 953. Л. 39, 70–70 об., 109, 138 об.; Кн. 971. Л. 109, 179–269; Кн. 998. Л. 108; Кн. 1066. Л. 188 об.; Кн. 1102. Л. 177; Кн. 1130. Л. 199–334; Кн. 1154. Л. 29 об., 62, 84, 85 об.; Кн. 1208. Л. 50 об. – 51, 89 об., 132 об., 177 об., 283–285, 323 об. – 324, 365 об. – 367 об., 407 об. – 409, 446–447 об., 490–492, 530 об. – 532, 592–593 об., 650–651 об., 710 об.; Кн. 1210. Л. 130 об.; Кн. 1231. Л. 10–87; Кн. 1240. Л. 114 об., 124 об., 125 об., 131 об.; Оп. 3. Стб. 46. Л. 4; Стб. 593. Л. 64–65; Стб. 990. Л. 26–27, 116, 140; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 146 об. – 147).

[12] Как правило, на ямах ездоки получали продовольствие и питье по «указной» (фиксированной) или свободной цене. В ряде случаев ямщики снабжали путников кормом за свой счет (или выделяли на него деньги).

[13] При учреждении ямов паевая норма жалованья составляла: для верхотурских ямщиков — 20 руб., 12 четей ржи и овса, для демьянцев и самаровцев — 20 руб., 20 четей ржи и 20 четей овса. На Туринском и Тюменском ямах на выть приходилось 15 руб. и, вероятно, какое-то хлебное обеспечение (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 41, 87, 91, 149, 150; Стб. 593. Л. 90, 109; Стб. 990. Л. 131, 152, 153; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304/2. Л. 477; АИ. СПб., 1841. Т. 3. № 78. С. 74; № 106. С. 150).

хлебное жалованье» им велели «служить с пашни». В тобольское воеводство кн. Ю. Я. Сулешева с ямских сверхокладных пахотных угодий в казну стал выделяться «пятый сноп» (1624 г.)[14]. Служба «с земли» сближала ямщиков с приборными служилыми людьми (которых тоже активно переводили «на пашню»)[15], а то, что они в известной степени становились земледельцами, — с тяглецами. Лишь самаровцы в ходе упорной борьбы отстояли свои хлебные оклады, поскольку в районе их проживания почвенно-климатические условия (заболоченная местность и суровый климат) не позволяли заниматься полевым земледелием[16]. Что касается денежного и земельного обеспечения, то на протяжении XVII в. его размеры менялись[17]. Кроме того, с конца 1680-х гг. си-

[14] Рента с ямских «лишних» пашен в размере 20% урожая взималась до конца XVII в., за исключением непродолжительного периода в конце 1680-х — начале 1690-х гг., когда тюменские и туринские ямщики платили «десятый сноп» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 124; Оп. 4. Стб. 94. Л. 45; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 276 об.).

[15] Перевод служилых людей сибирских городов и острогов «на пашню» вместо хлебного жалованья широко практиковался со времен тобольского воеводства Ю. Я. Сулешева. Впрочем, даже в рамках отдельно взятого гарнизона часть ратников могла сохранять (частично или полностью) хлебные оклады. Другим отличием в положении служилых людей от ямщиков было то, что с их «лишней» запашки в государевы житницы выделялась меньшая часть урожая — «десятый сноп» (во всяком случае, до второй половины XVII в.). Вероятно, в этом отношении целесообразней сравнивать ямщиков не со всеми приборными служилыми, а с беломестными казаками. Последние составляли военную силу слобод и зачастую обеленная пашня целиком заменяла им хлебное (порою и денежное, и соляное) жалованье.

[16] С 1641/42 г. самаровским ямщикам выдавалось 10 четей ржи и 10 четей овса на пай (за исключением 1642/43–1643/44 гг., когда натуральное жалованье им не предоставлялось), с 1651/52 г. и до конца XVII в. — 20 четей ржи и 20 четей овса (*Семенов О. В.* Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. // Очерки истории ХМАО — Югры. М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 224–225).

[17] Верхотурские ямщики к 1619 г. получали 7 руб. на пай, с 1619/20 г. — 10 руб., с 1621/22 г. — 15 руб., с 1630/31 г. — 20 руб., с 1644/45 г. — 22 руб., с 1653/54 г. — 25 руб., с 1660/61 г. до 1698/99 г. включительно — 28 руб., с 1700 г. — 20 руб. Оклады тюменских ямщиков к началу 1620-х гг. составляли 7 руб. на выть, с 1630 г. — 10 руб., с 1634/35 г. — 20 руб., с 1659/60 г. — 23 руб., с 1663/64 г. до начала XVIII в. — 20 руб. Насельникам Туринского яма к началу 1620-х гг. выплачивалось 10 руб. на пай, с 1632/33 г. (или с 1633/34 г.) — 20 руб., с 1660/61 г. — 23 руб., с 1664/65 г. до начала XVIII в. — 20 руб. Демьянцам с 1649/50 г. предоставлялось 14 руб. на выть, с 1651/52 г. — 20 руб., с 1661/62 г. — 23 руб., не позднее 1664/65 г. и до начала XVIII в. — 20 руб. На Самаровском яме на пай приходилось: с 1649/50 г. — 26 руб., с 1651/52 г. — 20 руб., с 1660/61 г. — 23 руб., не позднее 1664/65 г. и до начала XVIII в. — 20 руб. Окладные пашни верхотурских, туринских и тюменских ямщиков в начале XVII в. достигали 20 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. С 1624 г. они были сокращены до 7 четей «в поле» для Верхотурского яма и 10 четей — Туринского яма. Жителям возрожденного в 1630 г. Тюменского яма установили 10 четей в каждом поле на пай. С 1630/31 г. для верхотурских ямщиков норма пашни выросла до 15 четей «в поле», а в 1648 г. до 20 четей. Не позднее 1647/48 г. к 20 четям в каждом поле были возвращены пахотные угодья туринских и тюменских ямщиков. В 1688/89 г. оклад насельников Тюменского и Туринского ямов вырос вдвое однако с начала 1690-х гг. он снова составлял 20 четей «в поле». Демьянцам изначально полага-

бирским ямщикам с отдельных категорий ездоков шли прогоны — небольшая арендная плата за подводы (по 3 денги с подводы за 10 верст пути)[18].

Заинтересованное в качественной связи, государство наделяло ямщиков льготами. Часть пожалований напрямую касалась их профессиональных обязанностей, другие имели к ним опосредованное отношение. Приведем примеры. В конце 1600 г. жители Верхотурского яма (до окончательного обустройства) получили 3-годичную отсрочку от уплаты долгов частным лицам[19]. Извест-

лось 10 четей «в поле» на выть. Не позднее 1658/59 г. их пашни были увеличены до 20 четей в каждом поле (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 572. Л. 13; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 201 об.; Кн. 10. Л. 80; Кн. 21. Л. 66–66 об., 125 об., 132, 133, 143 об.; Кн. 368. Л. 180, 216, 302 об.; Кн. 450. Л. 190; Кн. 585. Л. 133 об. – 134; Кн. 656. Л. 142; Кн. 845. Л. 332, 337–338 об.; Кн. 853. Л. 300–300 об., 315 об.; Кн. 906. Л. 20; Кн. 938. Л. 25 об. – 26, 27; Кн. 953. Л. 58–58 об.; Кн. 971. Л. 8 об., 12, 21 об., 25; Кн. 1010. Л. 18, 129; Кн. 1066. Л. 133 об.; Кн. 1102. Л. 117 об.; Кн. 1122. Л. 585–585 об.; Кн. 1130. Л. 336–336 об.; Кн. 1176. Л. 353 об.; Кн. 1210. Л. 13 об., 15, 67; Кн. 1214. Л. 244–244 об.; Кн. 1231. Л. 1–7 об.; Кн. 1240. Л. 66; Кн. 1267. Л. 612 об.; Кн. 1380. Л. 191–191 об.; Оп. 3. Стб. 14. Л. 212; Стб. 46. Л. 5, 6, 7–8; Стб. 107. Л. 30; Стб. 134. Л. 321; Стб. 354. Л. 104, 105; Стб. 376. Л. 16; Стб. 448. Л. 91, 158; Стб. 476. Л. 176; Стб. 499. Л. 140; Стб. 593. Л. 15–16, 23, 25, 26, 29, 37, 41–42, 45, 51, 62–65, 66, 67, 69, 74, 84, 88, 101–103, 115, 119; Стб. 611. Л. 285; Стб. 632. Л. 186, 187–188, 190; Стб. 689. Л. 60, 186; Стб. 701. Л. 52, 99, 100, 101, 102; Стб. 712. Л. 137, 142–145; Стб. 731. Л. 21; Стб. 735. Л. 205, 279 об.; Стб. 749. Л. 449–450, 466, 469; Стб. 768. Л. 234; Стб. 817. Л. 1, 2, 24, 36, 116, 285, 293, 295, 312, 331; Стб. 818. Л. 32, 52, 54, 511, 513, 514–514 об., 515, 523–524, 526, 529, 531, 532; Стб. 884. Л. 236, 415, 416–417, 422–423; Стб. 897. Л. 152, 249, 254; Стб. 900. Л. 257, 257 об.; Стб. 907. Л. 362, 407; Стб. 936. Л. 410; Стб. 959. Л. 168; Стб. 967. Л. 92; Стб. 983. Л. 355; Стб. 990. Л. 23, 109, 111, 113, 114, 119, 123–124, 130; Стб. 1015. Л. 195; Стб. 1021. Л. 41, 42, 44, 86, 86 об.; Стб. 1052. Л. 75, 315; Стб. 1056. Л. 317; Стб. 1071/1. Л. 48, 49; Стб. 1071/3. Л. 93; Стб. 1181. Л. 3, 26; Стб. 1187. Л. 115, 117, 261; Стб. 1202. Л. 335; Стб. 1260. Л. 289; Стб. 1409. Л. 3, 6, 8, 14; Стб. 1559. Л. 504; Стб. 1603. Л. 6; Стб. 1693. Л. 16; Оп. 4. Стб. 94. Л. 26–27, 42, 43, 44–45; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607 об. – 1634, 1637 об. – 1649; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 93. Л. 23–24; Стб. 141. Л. 14; Стб. 148/2. Л. 392; Стб. 149/2. Л. 207–208, 211; Стб. 187. Л. 201–202; Стб. 215/1. Л. 103; Стб. 285. Л. 104; Стб. 304/2. Л. 476, 477; Оп. 2. Стб. 55. Л. 1, 6; Стб. 389. Л. 49; Стб. 442. Л. 137; Стб. 542. Л. 86; Оп. 4. Кн. 1. Л. 92 об.; Кн. 4. Л. 20; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 147, 149 об., 152–153; Кн. 6. Л. 275 об., 276 об.; ТИАМЗ. КП. 12700. Л. 46, 111; КП. 12712. Л. 83, 186 об.; АИ. Т. 3. № 78. С. 74; № 86. С. 86; № 106. С. 150; СПб., 1842. Т. 4. № 22. С. 54, 55; СПб., 1842. Т. 5. № 1. С. 1; АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 143. Стб. 303; СПб., 1884. Т. 3. № 327. Стб. 258–260; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. № 68. С. 183–184; № 89. С. 228–229; № 96. С. 237; СПб., 1859. Т. 7. № 54. С. 272; *Лопарев Х. М.* Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 151–152; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 484. С. 635; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. № 21. С. 65, 66; № 51. С. 137, 140, 154; РИБ. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 646; № 12. Стб. 887–888; *Шашков А. Т.* Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 77–87).

[18] Путники платили прогоны из личных средств или сумм, выделенных государством: в столице с 1639 г. — приказом-отправителем, в регионах — местными властями (об установлении этой формы вознаграждения для сибирских ямщиков см.: *Семенов О. В.* Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: мат-лы Всеросс. научн. конф. Екатеринбург, 2013. С. 200–207).

[19] АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 35. С. 33.

ны случаи, когда власти освобождали ямщиков от процентов по частным займам[20]. В 1601 г. насельники Туринского яма добились права на беспошлинную доставку в Туринск приобретенных ими для личных нужд в Соликамске и Верхотурье лошадей и инвентаря (сошников, серпов, кос, топоров и др.)[21]. В начале XVII в. верхотурские ямщики сетовали на запрет иметь во дворах мыльни, отчего они вынуждены были «з женами и з детми» ездить «в город (Верхотурье. — *О. С.*)» в государеву баню — «летом — в судех рекою, а зимою — в санях». Грамотой от 29 января 1602 г. челобитчикам разрешалось «про свою нужу бани ставити и… в них паритца с своими семьями». Однако воеводы должны были следить за тем, чтобы они сторонних лиц («торговых приезжих людей и гулящих казаков») мыться к себе не пускали[22]. В 1606 г., в ответ на жалобы насельников Тюменского и Туринского ямов, что их «суды… погнили и розвалялись», верхотурской администрации предписывалось распорядиться «делати» в Верхотурье «плотником стругов гребных з десять». Транспорт следовало отправить в Тюмень и Туринск для раздачи «для гонеб ямским охотником»[23]. В 1607 г. тюменским и туринским ямщикам была выделена казенная подмога для приобретения лошадей «против верхотурских ямских охотников» — по 5 руб. на пай. Последние получили деньги тогда же или незадолго до описываемых событий[24]. В 1613/14 г. власти ссудили верхотурских ямщиков 50 четями овса «на семена». Впрочем, урожай «побило морозом». Поэтому ямщики просили об отсрочке уплаты «заемного хлеба». Грамотой от 13 января 1615 г. воеводе Б. Л. Зюзину возбранялось править с челобитчиков зерно до следующего урожая, «а как новь поспеет, и ты б (воевода. — *О. С.*) у них тот хлеб велел взяти в наши (государевы. — *О. С.*) житницы»[25]. В конце 1630 г. пошлина с судебного процесса для верхотурских ямщиков была ограничена минимальной ставкой — алтын с рубля. Между тем для остального русского населения Верхотурского уезда она составляла гривну с рубля[26]. На протяжении XVII в. выходили указы, гарантировавшие ямщикам возврат водного и сухопутного

[20] Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. / *сост. Е. Н. Ошанина.* М., 1982. Вып. 1. № 85. С. 137.

[21] РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 40. Л. 1–2.

[22] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 4. Л. 1–2. Запрет населению иметь мыльни преследовал в первую очередь финансовую цель — извлечь максимальную прибыль от эксплуатации казенных бань.

[23] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 126. Л. 2.

[24] РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 81. Л. 1; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. / *сост. Е. Н. Ошанина.* М., 1982. Вып. 2. № 132. С. 202.

[25] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 19. Л. 1.

[26] Ранее для верхотурских ямщиков пошлина за вершение дела с проигравшей стороны тоже составляла с рубля по гривне (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 147 об., 151).

транспорта (или компенсацию в случае его утраты по вине ездока)[27] и его оперативное использование[28], регламентировавшие сроки гоньбы[29], численность

[27] В ответ на жалобы верхотурских ямщиков на насилия проезжающих грамотой от 6 августа 1609 г. воеводам С. С. Годунову и И. М. Плещееву поручалось следить за тем, чтобы подводы «ис-под гонцов» возвращались целыми (вплоть до того, чтобы управленцы «сами» «осматривали» транспорт и «отдавали проводником перед собою»), а «в палых и в надсаженых» лошадях чинить управу «тотчас безволокитно», дабы «ямским охотником нужи не было». Наказанием для ездока, изувечившего лошадь, был штраф в пользу пострадавшей стороны, который, вероятно, равнялся цене животного на местном рынке. Грамотой от 25 января 1636 г. верхотурской администрации предписывалось отписать туринскому воеводе, чтобы тот «мимо Туринского острогу верхотурских гонебных ямских судов на Тюмень» не пропускал. Транспорт следовало возвращать верхотурским ямщикам, а «воевод и всяких служилых людей» отправлять далее «в туринских гонебных ямских судех». После того как в марте 1689 г. тюменские ямщики (из-за «безконьства») пропустили до Тобольска под направлявшимися «в Дауры» служилыми людьми 62 лошади «с санми и с хомутами» туринских ямщиков, за эти «проводные подводы» они вынуждены были заплатить последним «дорогою ценою» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 273. Л. 10–11; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 111; РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 104. Л. 3).

[28] Согласно указу от 6 марта 1673 г. (вероятно, имевшему общегосударственный характер), лицо, получившее по подорожной транспорт, обязывалось «не мешкая» отправляться в путь. Ему запрещалось удерживать ямские подводы свыше двух дней. На нарушителя следовало жаловаться центральным властям. По предположению И. Я. Гурлянда, «едва ли можно сомневаться», что этот указ «повторил лишь то, что не раз было устанавливаемо и раньше». Действительно, отчасти он перекликался с постановлением Ямского приказа от 1620/21 г. (относилось к европейской части России), которым вводился штраф для «гонцов», удерживавших «у себя на дворе» (вместо поездки) ямские подводы «дни два или три»: с виновного предписывалось «править за те простойные дни, смотря по люцкому и по конскому корму по купле, проесть (расходы. — *О. С.*) и отдавать ямщикам» (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 105. С. 105; ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 542. С. 928; *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба… С. 255–256).

[29] Судя по всему, в 1644 г. за верхотурскими ямщиками было подтверждено право (возможно, предоставленное им еще в конце XVI в.) не гонять в распутицу: осеннюю — к Соликамску (после 1 сентября до установления санного пути) и весеннюю — к Туринску (после 25 марта до вскрытия Туры). Исключение делалось для «скорых гонцов», которых запрещалось задерживать. Трудно допустить, чтобы тогда не регламентировались сроки перевозок и для других ямов по Туре. В августе 1656 г. тюменские и туринские ямщики добились подтверждения не гонять в распутицу (с некоторыми изменениями времени транспортировок): после Благовещения (25 марта) и «после Сергиева дни» (25 сентября), кроме «гонцов», посланных «наспех» для государевых «скорых» дел. Вероятно, к концу 1670-х гг. тюменские и туринские ямщики утратили эту льготу. В феврале 1681 г. тюменских, а в мае 1681 г. туринских ямщиков освободили от перевозок в весеннюю распутицу (с Благовещения до «полой воды»), за исключением «бояр наших и воевод и дьяков, которые поедут на воеводство в Тоболеск, и скорых гонцов». В 1680/81 г. схожее пожалование получили верхотурские ямщики: право не гонять в весеннюю распутицу (после Благовещения до вскрытия рек), за исключением «скорых гонцов» и тобольских воевод. В 1685 г. тюменские ямщики располагали правом никому не давать подвод с 25 марта (до водного пути) и с 1 октября (до «зимнего пути»), кроме «скорых гонцов» и тобольских воевод. На нижнеиртышских ямах в первые годы их функционирования время транспортировок не ограничивалось. В 1643 г. на это жаловались демьянские ямщики. Они просили о выдаче соответствующей «указной оберегателной грамоты».

предоставляемых путникам подвод[30], вес перевозимого груза[31], уточнявшие

Реакция властей нам неизвестна. В 1683/84 г. самаровцев и демьянцев освободили от гоньбы под воеводами и «всяких чинов» людьми весной (после 25 марта до начала судового хода) и осенью (после 1 октября до установления «зимнего пути»), «опричь скорых гонцов» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 29, 30, 31, 39–44; Стб. 448. Л. 17; Стб. 496. Л. 58, 226; Стб. 560. Л. 578; Стб. 731. Л. 159; Стб. 907. Л. 394, 394 об.; Стб. 1187. Л. 171, 181–184, 186; Оп. 4. Стб. 94. Л. 3–4, 32–33; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 166; АИ. Т. 3. № 234. С. 393–395).

[30] О запретах сибирским властям отпускать в столицу подводы «с невеликою казной» и «лишних гонцов», нормах транспорта и обслуживающего персонала для лиц, отправлявшихся из Москвы за Урал, регламентации зимнего транспорта и водных подвод в крае см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 54 об. – 55; Оп. 3. Стб. 72. Л. 363, 364; Стб. 448. Л. 125, 125 об., 126, 127, 128, 129–130, 133–134; Стб. 496. Л. 79–82; Стб. 731. Л. 47, 49, 52, 53, 54, 56–57, 58, 66, 71; Стб. 749. Л. 452, 453; Стб. 907. Л. 378–379, 620–622, 623–624; Стб. 936. Л. 293–295, 299–303; Стб. 967. Л. 50–51, 52–53; Стб. 990. Л. 181 об.; Стб. 1187. Л. 173, 174, 175, 176, 178; Оп. 4. Стб. 94. Л. 1, 6 об., 10, 26, 35; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264/1. Л. 227–228, 230–235; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 242–243, 243 об. – 244 об.; АИ. Т. 4. № 190. С. 361–362; № 209. С. 445; Т. 5. № 25. С. 36–38; № 240. С. 431; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1. № 37. С. 80; ДАИ. Т. 4. № 59. С. 161; № 114. С. 269; № 138. С. 359; СПб., 1857. Т. 6. № 127. С. 376; Т. 7. № 70. С. 330; Законодательные акты… № 152. С. 128; № 154. С. 129; № 170. С. 141; № 171. С. 141; № 179. С. 145; № 187. С. 148; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 39. С. 383; ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1594. С. 371; № 1595. С. 393; № 1670. С. 549, 594; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 61. Стб. 139; *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 28; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / *авт. вступ. ст. и комм., сост. М. О. Акишин.* Новосибирск, 2000. С. 240; *Гурлянд И. Я.* Ямская гоньба… С. 200).

[31] На рубеже XVI–XVII вв. в Сибири вес клади для конной подводы еще не регламентировался. Грамотой от 29 января 1602 г. верхотурским ямщикам позволялось перевозить на лошадях грузы в объеме, «почему они похотят, толко б за тем нашей (царской. — *О. С.*) казне на Верхотурье… мотчанья не было». Судя по всему, в Смуту (или еще до гражданской войны) «за Камнем» утвердились те же нормы поклажи, что и в европейской России — 15 п. (245,7 кг) для санной подводы и 4 п. (65,52 кг) вьючным способом (при отсутствии седока). В царствование Михаила Федоровича грузоподъемность санного транспорта для Верхотурского (с 1630/31 г.), Тюменского (с 1634/35 г.) и, видимо, Туринского ямов была доведена до 25 п. (409,5 кг), тележного — до 20 п. (327,6 кг). В дальнейшем «указный вес» менялся. В 1653/54 и 1655/56 гг. тюменские ямщики перевозили на санях 20 п. клади, в 1658 г. — 15, с 1677/78 г. — снова 20. В 1666 г. для туринских ямщиков была установлена 15-пудовая величина груза на санную подводу, подтвержденная за ними в 1686 г. В 1669 г. верхотурские ямщики помещали на сани 15 п. поклажи, в 1698 г. — 20. «Указный вес» для тележной подводы неизвестен. Еще меньшими сведениями о норме клади мы располагаем для ямов в низовьях Иртыша. С 1691 г. самаровцы и демьянцы перевозили на санном транспорте «против… руских стройных ямов»: без седока — 20 п., с седоком — 15 п. Кроме того, они были заинтересованы в регламентации размера груза для собачьих упряжек. В середине XVII в. самаровцы обратились в Сибирский приказ с просьбой о транспортировке на нарте 6 п. (98,28 кг) поклажи с учетом «проводничьего корма». Ответная грамота от 30 июня 1651 г. содержала весьма расплывчатую формулировку. Тобольским воеводам предписывалось «велеть на нарты класть по сколку пуд пригоже, чтоб ямским охотником… в нартной гонбе оскорбленья не было». К 1691 г. на Самаровском яме «указный вес» для собачьей упряжки составлял 4 п. (62,52 кг) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 4. Л. 2; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 19, 20, 27; Стб. 448. Л. 125, 127, 134; Стб. 593. Л. 33; Стб. 689. Л. 380–382, 385, 385 об.; Стб. 731. Л. 56; Стб. 936. Л. 304–305; Оп. 4. Стб. 94.

круг лиц, которые могли пользоваться организованным сообщением[32] и документы, дававшие на это право[33].

Тем не менее положение сибирских ямщиков нельзя считать привилегированным. С основания ямов оно было непростым (в материальном и правовом отношениях тяжелее сравнительно с ямщиками в европейской части России) и со временем ухудшалось. В первую очередь это объяснялось спецификой ямской службы и местности: суровыми природными условиями[34], недостаточной освоенностью территории[35], неважным состоянием сухопутных коммуникаций (особенно в осеннюю и весеннюю распутицу), большими разгонами[36],

Л. 2, 5 об. – 6 об., 26, 46, 57; Стб. 164. Л. 1, 1 об., 3; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 47, 49; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 146, 148 об., 151; Кн. 6. Л. 262 об. – 263).

[32] В 1635/36 г. «по указу великого государя… в грамоте» верхотурским воеводам предписывалось отправлять «с Верхотурья… в Верхотурской уезд» по служебным поручениям местных детей боярских не на ямских подводах, а «на своих лошадях, потому что берут они государево денежное и хлебное жалованье, а иные… пашут пашни». В 1678 г., в ответ на жалобы тюменских ямщиков, что духовенство и софийские дети боярские «для всяких софейских и митропольих дел» при поездках через Тюмень «Тоболского и Верхотурского уезду в слободы, во многие места, и к Руси» пользовались ямским транспортом, в города Тобольского и Томского разрядов были отправлены грамоты. Согласно им, служителям Тобольского архиерейского дома следовало «ездить на монастырских и на митропольих подводах». К услугам ямщиков они могли прибегать только при посылках в Москву «со святынею» и митрополичьими отписками (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 936. Л. 300, 301; Стб. 1187. Л. 173, 176; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264/1. Л. 230–233; Оп. 2. Стб. 456. Л. 10; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 243 об., 244; АИ. Т. 5. № 25. С. 37–38).

[33] В 1678 г. тюменские ямщики жаловались, что отслужившие свой срок представители воеводской администрации покидали Сибирь по тобольским подорожным, в которых прописывалось «вдвое и болши» положенных по закону подвод. Это было злоупотреблением. Ответными грамотами от 30 августа 1678 г. управленцам всех «закаменных» городов и острогов наказывалось пользоваться московскими проездными документами, «а по тоболским и иных сибирских городов по подорожным подвод им и детем, и братьям, и племянником, и людем их, и под запасы в Сибири и из Сибири никому не давать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 907. Л. 379–380; Стб. 936. Л. 299–301; Оп. 4. Стб. 94. Л. 26; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264/1. Л. 230–231; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 243 об., 244; АИ. Т. 5. № 25. С. 37–38).

[34] За Уралом зимы были более снежными и морозными, чем в остальной России.

[35] В XVII в. более или менее была заселена дорога между Верхотурьем и Тобольском, тогда как территории вдоль Бабиновского тракта и от разрядного центра вниз по Иртышу в основном оставались «пустыми местами». Необжитость пространств делала проблематичной аренду подвод и покупку в пути продовольствия. Зачастую «кормы свои и конские» ямщики вынуждены были везти с яма.

[36] Расстояния, на которые осуществляли транспортировки сибирские ямщики, лишь по основным направлениям составляли: между Верхотурьем и Соликамском — ок. 266 км, Верхотурьем и Пелымом — ок. 198 км (посуху), Верхотурьем и Туринском — ок. 207–219 км (посуху) или ок. 323 км (по воде), Туринском и Тюменью — ок. 162 км (посуху) или ок. 245 км (по воде), Туринском и Пелымом — ок. 296 км (посуху), Тюменью и Тобольском — ок. 243 км (посуху) или ок. 372 км (по воде), Демьянским ямом и Тобольском — ок. 327 км (посуху или по воде), ямами Демьянским и Самаровским — ок. 308 км (посуху или по воде), Самаровским ямом и Сухоруковыми юртами — ок. 110 км (посуху или по воде), Самаровским и Сургутом — ок. 290 км (посуху или по воде).

поджидавшими на дорогах опасностями[37], значительностью вызванного перегрузками и эпидемиями конского падежа, «обидами и насилствами» властей и проезжих «всяких чинов людей»[38]. Бедственную ситуацию усугубляла правительственная политика, нацеленная на сокращение расходов и повышение доходов казны[39]. Несмотря на рост перевозок («безмерную скорую гоньбу»), государство отказывалось от увеличения числа паев на ямах. Нехватка подвод вынуждала ямщиков арендовать их на стороне «дорогою ценою» (у посадских, крестьян, стрельцов, церковных дьячков и т. д.). Потраченные при этом деньги (нередко занятые у государства и частных лиц) им не компенсировались[40]. Жалованья ямщикам недоставало. Речь шла не только о денежном[41] и натураль-

В европейской части России обычными были «перегоны» 30–50 верст. Встречались и более высокие показатели, однако они все равно уступали нагрузкам сибиряков.

[37] Дело не только в промышлявших на дорогах «лихих людях», но и в военной опасности. В XVII в. Верхотурский, Туринский и Тюменский уезды подвергались набегам «немирных соседей» (Кучумовичей, калмыков и др.), а среди аборигенов сохранялось недовольство русской властью.

[38] Источники изобилуют примерами того, как воеводы и их агенты «для бездельных корыстей» «наметывали» на ямщиков свои «изделия», ездоки «имали сверх подорожных подводы лишние» (или требовали за них денежную компенсацию), нагружали их «болшою кладью», игнорировали сроки перевозок, самовольно меняли маршруты, присваивали себе ямской транспорт и т. д. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 572. Л. 9; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1154. Л. 45; Кн. 1208. Л. 47 об.; Оп. 3. Стб. 263. Л. 134–135, 370, 371; Стб. 348. Л. 167, 168; Стб. 354. Л. 222; Стб. 448. Л. 128; Стб. 480. Л. 193, 205, 207–208; Стб. 496. Л. 56–58, 222–223; Стб. 505. Л. 124; Стб. 593. Л. 31, 33, 59–60; Стб. 689. Л. 380; Стб. 731. Л. 55, 154–155, 156–157; Стб. 749. Л. 451; Стб. 787. Л. 2–49 об.; Стб. 818. Л. 523; Стб. 884. Л. 236, 238; Стб. 936. Л. 305; Стб. 967. Л. 13; Стб. 1181. Л. 3, 26–27, 72; Стб. 1187. Л. 180, 190–192, 194, 196, 203, 203 об.; Оп. 4. Стб. 94. Л. 5, 27, 30, 34; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 139/1. Л. 115, 116–117; Оп. 2. Стб. 389. Л. 49–50; РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 104. Л. 1; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 165 об. – 166, 263; АИ. Т. 3. № 78. С. 75; *Лопарев Х. М.* Самарово… С. 11–12, 152–153).

[39] Все более бесцеремонное отношение властей к сибирским ямщикам на протяжении XVII в. объяснялось тем, что государство уже не столь остро нуждалось в правильных сношениях в крае, как в первые десятилетия его русской колонизации.

[40] На аренду подвод верхотурские ямщики израсходовали: в 1617/18 г. — 925 руб. 61 коп., в 1628/29 г. — 847 руб. 40 коп., в 1629/30–1630/31 гг. — 1 305 руб. 20 коп., в 1685/86 г. — 2 850 руб.; туринские: в 1629/30–1630/31 гг. — 1 710 руб. 21,5 коп.; тюменские: в 1630–1630/31 гг. — 597 руб. 47 коп., в 1632/33 г. — 467 руб. 16 коп.; демьянские: в 1641/42 г. — 1 189 руб. 41 коп., в 1689/90 г. — 1 245 руб. 68 коп.; самаровские: в 1642/43 г. — 1 224 руб. 5 коп., в 1643/44 г. — 780 руб. 80 коп., в 1644/45 г. — 855 руб. 30 коп., в 1645/46 г. — 942 руб. 20 коп., в 1682/83 г. — 777 руб. 64 коп., в 1684/85 г. — 732 руб. 95 коп., в 1685/86 г. — 1 185 руб. 86 коп., в 1686/87 г. — ок. 600 руб., в 1689/90 г. — 949 руб. 40 коп., в 1690/91 г. — 681 руб. 10 коп., в 1691/92 г. — 585 руб. 55 коп., в 1692/93 г. — 516 руб. 46 коп., в 1693/94 г. — 464 руб. 25 коп., в 1694/95 г. — 544 руб. 71 коп., в 1695/96 г. — 383 руб. 1 коп., в 1696/97 г. — 798 руб. 54 коп., в 1697/98 г. — 358 руб. 2 коп. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 316 об.; Кн. 801. Л. 347–418; Кн. 1208. Л. 48 об. – 51, 87 об. – 89 об., 130 об. – 132 об., 175 об. – 177 об., 284, 285, 323, 324, 365 об. – 367 об., 407 об. – 409 об., 446–447 об., 490 об. – 492, 530 об. – 532, 592–593 об., 650 об. – 651, 651 об. – 652; Оп. 3. Стб. 46. Л. 4; Стб. 593. Л. 64–65; Стб. 749. Л. 451; Стб. 990. Л. 140, 142; Стб. 1071/1. Л. 46–47; АИ. Т. 3. № 78. С. 74).

[41] Размеры денежного жалованья сибирских ямщиков были сопоставимы с окладами ямщиков

ном обеспечении[42], но и об окладных пашнях[43]. Выплата денежного жалованья порою задерживалась, процедура его получения (как и хлебных окладов для самаровцев) была неудобной[44], частично оно могло заменяться «товарами» (тканями, реже — пушниной худшего и среднего качества, кожами, одеждой, воском и др.). «Товарная казна» выдавалась ямщикам по «указной (не соответствующей рыночной. — *О. С.*) цене». Они сбывали ее еще дешевле. Не имелось за Уралом уставных ямских грамот, предоставлявших населению многих ямов в европейской части России широкую судебно-административную автономию и финансовые привилегии[45]. Сибирские ямщики привлекались к разнообразным государственным повинностям: городовой, дорожной, судовой, огораживанию полей десятинной пашни, обслуживанию экспедиций по поиску месторождений полезных ископаемых, погрузке хлеба на казенные суда, уплате чрезвычайных налогов и т. д.[46] Это сближало их с тяглецами. Отзвуком

в европейской части России, которых, как уже говорилось, после Смуты массово стали переводить на казенное содержание. Однако необходимо учитывать, что за Уралом ассортимент товаров был скромнее, а цены на большинство из них выше.

[42] Самаровцы даже после восстановления с 1651/52 г. окладов в 20 четей ржи и 20 четей овса на пай вынуждены были докупать себе хлеб «дорогою ценою» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 884. Л. 420–421).

[43] В европейской части России окладные пашни ямщиков были меньше, чем в Сибири. Согласно «Уложению о ямской гоньбе и ямских слободах» (не ранее 1620/21 г.), они составляли 5 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. Одно из объяснений этому содержится в грамоте от 31 декабря 1630 г. верхотурскому воеводе Н. Ю. Плещееву и подьячему с приписью П. Максимову: «…пашни за ними (сибирскими ямщиками. — *О. С.*) учинено болши московских городов вместо прогонов (как компенсация за отсутствие прогонных денег. — *О. С.*)». Впрочем, даже когда земельные оклады сибирских ямщиков достигали наибольших размеров, те были ими недовольны, добиваясь их увеличения. Демьянцев вообще не сумели обеспечить всеми необходимыми угодьями. На протяжении XVII в. в подавляющем большинстве они имели пашни ниже положенных окладов. Потребность в хлебе вынуждала демьянских ямщиков «по вся годы» приобретать его «дорогою ценою» в Тобольске и у приезжавших в низовья Иртыша торговцев (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 4. Л. 1, 2; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 121–122; Стб. 593. Л. 29, 79, 90; Стб. 990. Л. 109, 134–135; Оп. 4. Стб. 94. Л. 42; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 152 об.; Оп. 4. Кн. 6. Л. 275 об.).

[44] Процедура обеспечения сибирских ямщиков денежным жалованьем зачастую предполагала ежегодную отправку ими челобитчиков в Москву. Кроме того, самаровцам «по свои» хлебные оклады приходилось ездить в отдаленные пашенные районы Сибири (Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 3. С. 218–220; *Семенов О. В.* Порядок обеспечения верхотурских ямщиков денежным жалованьем в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 5. С. 48–55).

[45] Специфика новоприсоединенного региона (его отдаленность от Москвы и обширность в условиях постоянной военной угрозы и слабости русских позиций), требовавшая сосредоточения всей полноты власти в одних руках, исключала независимость ямского дела от воеводской администрации.

[46] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 512. Л. 15–16; Стб. 1172. Л. 6, 6 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 127–139 об., 141–146; Кн. 471. Л. 589–595; Кн. 487. Л. 119, 316 об. – 321 об.; Кн. 585. Л. 62 об. – 63 об.; Кн. 801. Л. 318, 343 об., 382, 415–418, 481–482, 691 об. – 692; Кн. 861. Л. 171–176; Кн. 885. Л. 16 об. – 17; Кн. 914. Л. 112; Кн. 1208. Л. 48 об., 49, 87 об., 88, 130 об. – 131, 175 об., 176,

системы кормлений можно считать ответственность ямщиков по содержанию государственной администрации[47]. Многие ямские льготы не были уникаль-

232 об., 283 об., 284, 322 об., 323, 361–361 об., 365 об., 366, 402 об. – 403, 407 об., 408, 446, 490 об., 530 об., 531, 588 об. – 589, 592 об., 650, 650 об., 651, 709, 710 об.; Кн. 1231. Л. 88–91 об., 92–94 об.; Кн. 1358. Л. 572 об. – 579; Оп. 3. Стб. 30. Л. 568; Стб. 94. Л. 151–155, 159, 191–192, 347, 553–554; Стб. 102. Л. 297; Стб. 134. Л. 299; Стб. 263. Л. 155; Стб. 354. Л. 50, 51–52, 242, 243, 244, 245, 247; Стб. 448. Л. 144; Стб. 474. Л. 53; Стб. 489. Л. 563; Стб. 496. Л. 142; Стб. 593. Л. 6, 23–24, 77–78, 79; Стб. 731. Л. 32, 40; Стб. 959. Л. 168; Стб. 983. Л. 323, 325; Стб. 990. Л. 4, 28, 38, 134, 138; Стб. 1015. Л. 63; Стб. 1052. Л. 43; Стб. 1181. Л. 3, 26, 72; Стб. 1260. Л. 292; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 19; Стб. 127/2. Л. 191–192; Стб. 304/2. Л. 477; Оп. 2. Стб. 122. Л. 94, 147; Стб. 285. Л. 36; Стб. 389. Л. 49, 50; Стб. 423. Л. 8; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 148, 151; Кн. 3. Л. 229 об. – 231 об., 235 об. – 236 об.; Кн. 14. Л. 60, 62, 63 об.; ТИАМЗ. КП. 12700. Л. 75–76; КП. 12711. Л. 61; КП. 12830. Л. 55 об. – 56; АИ. Т. 3. № 47. С. 41; № 78. С. 74; № 93. С. 119; № 136. С. 224; Т. 4. № 239. С. 512; Т. 5. № 239. С. 428–429; АЮБ. Т. 2. № 256. Стб. 783–784; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 2. № 111. С. 173; № 162. С. 238; *Головачев П. М.* Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004. С. 85–86, 87; ДАИ. Т. 7. № 38. С. 205; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. № 33. С. 375; № 49. С. 399–400; № 52. С. 401; Т. 2. № 32. С. 208; № 58. С. 228; № 221. С. 368; № 400. С. 562; М., 2005. Т. 3. № 27. С. 191; Памятники сибирской истории XVIII века (1700–1713 гг.). СПб., 1882. Кн. 1. № 5. С. 26–29; № 12. С. 63; № 24. С. 104–105; ПСЗРИ. Т. 3. № 1595. С. 382; Прибыльные дела… С. 74; РИБ. Т. 2. № 133. Стб. 428–429; *Александров В. А.*, *Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991. С. 190–191; *Курлаев Е. А.*, *Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленности. М., 2005. С. 214–216; *Миненко Н. А.* Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 95; *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 96; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 339; *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII вв.). СПб., 2010. С. 205; *Семенов О. В.* Система ямской гоньбы и государственное «судовое дело» в Западной Сибири в XVII веке // Российская история. 2012. № 3. С. 138–143.

[47] Прибывшему в августе 1683 г. на Самаровский ям стольнику Л. М. Поскочину «по тоболской памяти для писцового дела» на бумагу, свечи, дрова, найм сторожей, «денщиков (рассыльщиков. — *О. С.*)» и «съезжего двора» ямщики заплатили 3 руб. 80 коп. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 47 об. – 48). Нужно сказать, что в Сибири кормленческая практика периодически легализовывалась. Во второй половине XVII в. выходили указы, запрещавшие выдавать казенное жалованье служилым людям, «покамест будут на приказех (в приказчиках. — *О. С.*)» (что подразумевало их кормление), и даже прямо предписывавшие «учинить им» с населения «доходец небольшой деньгами, хлебом и харчем». В ответ на жалобы верхотурских воевод К. П. Козлова «с товарищи», что из-за случившегося в апреле 1700 г. в Верхотурье пожара они лишились «запасов» и им «пити и ести стало нечего», грамотой администраторам позволялось «хлеба на свое пропитание взять» путем его раскладки «на крестьян и ямщиков» — «с каждого двора по полу- или по целому четверику московскому ржи, а овса вполы, или потому ж, и как кому сносно, чтоб скудных не опечалить» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 585. Л. 68 об., 189; Кн. 656. Л. 69, 200; Кн. 845. Л. 816, 817, 818, 284 об., 285 об., 287, 290 об.; Оп. 3. Стб. 354. Л. 6; Стб. 735. Л. 249; Стб. 897. Л. 133; Стб. 959. Л. 7; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127/1. Л. 27–29; Оп. 2. Стб. 542. Л. 27; ТИАМЗ. КП. 12830. Л. 60 об. – 61, 62; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 214; ДАИ. Т. 4. № 69. С. 185; ПСЗРИ. Т. 3. № 1594. С. 340, 361; Памятники сибирской истории… № 12. С. 55–59, 61; *Акишин М. О.*, *Ремнев А. В.* Управление Сибири XVI — начала XX века: административная политика, структура и люди // Власть в Сибири: XVI — начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 31–32; *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг… С. 10; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь… С. 357–358).

ными — аналогичных или похожих пожалований добивались иные чины[48]; они плохо соблюдались[49] и часто носили временный характер[50]. На ямщиках негативно сказывались «прибыльные» эксперименты столичных и местных властей. Из наиболее ярких примеров можно вспомнить деятельность тоболь-

[48] К примеру, отмеченный выше случай, когда в 1601 г. туринские ямщики добились права на беспошлинную доставку приобретенных «про себя» в Соликамске и Верхотурье лошадей и инвентаря, относился и к туринским крестьянам. В 1644 г. похожую льготу получили верхотурские служилые люди. Их избавили от таможенных пошлин, если они «про свою нужу» покупали в Соликамске «одежу и обувь». Это же касалось отсрочки в долговых исках. Грамотой от 4 октября 1598 г. верхотурскому воеводе В. П. Головину «с товарищи» предписывалось на пришедших «с Руси» для жительства в Верхотурье крестьян «в… долгех суда и управы» не давать, «покаместа они устроетца». Бани для личного пользования разрешалось иметь не только ямщикам, но и другим категориям местного населения. Грамотой от 17 февраля 1605 г. верхотурскому воеводе Н. О. Плещееву и письменному голове М. С. Хлопову запрещалось привлекать к казенным «поделкам» ярыжек, трудившихся в хозяйствах ямщиков и помогавших им в гоньбе. Подобным образом администрация должна была поступить и в отношении наемных работников служилых людей и пашенных крестьян. До тобольского воеводства Ю. Я. Сулешева не облагалась оброком сверхокладная запашка не только ямщиков, но и служилых людей. В 1628/29 г. при покупке в Туринске лошадей или иной скотины с местных ямщиков взималось пошерстное в размере алтына с головы. Для тяглого населения города и уезда пошлина была больше — 8 денег. Эта торговая льгота сохранялась за ямщиками в 1674/75, 1677/78, 1687/88 и 1688/89 гг. Тем не менее пошерстное той же величины платили туринские служилые люди и духовенство (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 673. Л. 94 об. – 195; Кн. 906. Л. 75 об. – 148 об.; Кн. 971. Л. 111–176; Оп. 3. Стб. 134. Л. 118; РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 38. Л. 1; Ед. хр. 40. Л. 1–2; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 43; Кн. 5. Л. 243–243 об.; АИ. Т. 2. № 51. С. 61; РИБ. Т. 8. № 11. Стб. 351; Таможенная книга Туринска 1674/75 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Туринск, Кузнецк и Томск). Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 18–56).

[49] Центральные и местные власти нарушали постановления о сроках гоньбы. Нередко ямщики вынуждены были перевозить в распутицу «с великою нужею» не только «скорых гонцов», но и обычных ездоков. Далеко не всегда соблюдались указы о норме транспорта и обслуживающего персонала. Отправлявшимся из столицы на сибирскую службу (или возвращавшимся с нее) в московских подорожных наряду с «указными» могли прописываться «прибавочные» подводы. Плохо выполнялось установленное в 1678 г. для представителей Церкви ограничение пользоваться ямским транспортом. До конца XVII в. ямщиков периодически привлекали к перевозкам служителей Тобольского архиерейского дома «для всяких софейских и митропольих дел» внутри Сибири (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 158 об.; Кн. 953. Л. 23–23 об., 93, 97 об.).

[50] В 1615 г. верхотурских ямщиков освободили от необходимости покупать казенное сено, если отправляясь из уездного центра по служебной необходимости на обратном пути они промышляли извозом (перевозили частные грузы). Однако к концу 1620-х гг. с них вновь взимали сенные деньги — по 2 гривны с лошади «за полкопны сена». К этому времени насельники Верхотурского яма утратили право мыться в своих банях (в ямской слободе). Их принуждали пользоваться (за плату по денге с человека) находившейся «в остроге, от них далече», государевой баней. Постановление от 1635/36 г. об отправке местных детей боярских по служебным поручениям из Верхотурья в уезд на своих (а не ямских) подводах через какое-то время уже не действовало. Во всяком случае, в 1671/72 г. воевода Ф. Г. Хрущев сообщал в Тобольск, что «на Верхотурье в приказной избе такова государеву указу не сыскано» (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 456. Л. 12; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 147 об., 148, 149, 151; АИ. Т. 3. № 57. С. 46).

ских воевод Ю. Я. Сулешева (1623–1625 гг.) и П. И. Годунова (1667–1669 гг.), денежную реформу Алексея Михайловича (1654–1663 гг.)[51]. О сложностях жизни свидетельствуют нередкие побеги ямщиков, случаи их перехода в тяглецы, в т. ч. во владельческие (строгановские) крестьяне, трудности с пополнением ямов (из-за нехватки желающих поверстаться на вакантные паи)[52].

Ямщики были довольно многочисленной группой постоянного русского населения Сибири[53]. Нехватка жалованья, перевод «на пашню» и возраставшая по мере колонизации края потребность в промышленных изделиях делали

[51] *Семенов О. В.* Влияние денежной реформы 1654–1663 годов на систему профессиональной ямской гоньбы в Западной Сибири // Российская история. 2014. № 3. С. 91–97; *Его же*. «Прибыльная» деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова в области ямской гоньбы в Сибири в XVII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 172–177; *Его же*. Судьба «прибыльных» мероприятий воеводы Ю. Я. Сулешева в области ямской гоньбы в Сибири в XVII в. // Клио. 2019. № 4 (148). С. 85–86.

[52] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 71. Л. 1; Стб. 572. Л. 12–13; Стб. 976. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 46. Л. 6, 7; Стб. 348. Л. 180–182; Стб. 593. Л. 14, 22; Стб. 712. Л. 32; Стб. 731. Л. 54; Стб. 749. Л. 451, 468–469; Стб. 900. Л. 255; Стб. 936. Л. 409; Стб. 983. Л. 340; Стб. 1052. Л. 314; Стб. 1071/1. Л. 47; Стб. 1260. Л. 292; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127/2. Л. 370; Стб. 174. Л. 2; Стб. 190. Л. 141–144; Оп. 2. Стб. 55. Л. 5–6; Оп. 4. Кн. 1. Л. 29 об. – 30, 46–46 об., 85, 87, 87 об.; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2. Л. 148 об.; АИ. Т. 3. № 78. С. 74; № 86. С. 86. От ямского статуса отказывались не только лица со скромным достатком. Так, реформы Ю. Я. Сулешева подтолкнули к переходу в крестьяне состоятельных верхотурских ямщиков Афанасия и Девятого Степановых детей Ощепковых (после 1624/25 г.), их родного брата Пятого (после 1633 г.), Еремея и Василия Фефиловых детей Голомолзиных (после 1625/26 г.), Никиту Иванова сына Перевалова (1626/27 г.) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 10. Л. 81; Кн. 41. Л. 74, 85 об., 87; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 304/2. Л. 481; Оп. 4. Кн. 4. Л. 20 об., 21; ТИАМЗ. КП. 12776. Л. 94; КП. 12777. Л. 32 об., 48, 53; *Коновалов Ю. В.* Верхотурская именная книга 1632 года // Уральская родословная книга: крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С. 329; *Мосин А. Г.* Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С. 330–331).

[53] Во второй половине XVII в. самым многолюдным среди «закаменных» ямов был Тюменский, наименее заселенным Самаровский. К примеру, в 1678/79 г. ямщиков насчитывалось: 150 туринских, в конце 1670-х — начале 1680-х гг. — более 168 верхотурских, в 1681/82 г. — более 208 тюменских, в 1683 г. — 154 демьянских и 103 самаровских. На рубеже XVII–XVIII вв. в Верхотурском и Туринском уездах ямщики по численности превосходили служилых и посадских людей. Среди русского населения они уступали только крестьянам. В 1702 г. фиксировалось ямщиков на ямах Верхотурском 340, в 1698/99 г. на Тюменском — более 417, в 1700 г. на Туринском — 308. Что касается Демьянского и Самаровского ямов, то в 1710 г. на первом проживали 310 ямщиков и 1 899 членов их семей всех полов и возрастов, на втором — 152 ямщика и 698 членов их семей всех полов и возрастов. Согласно Е. В. Вершинину, постоянное русское мужское и женское население всех возрастов Пелымского, Березовского, Сургутского, Мангазейского, Нарымского, Кетского уездов и Самаровского яма «не превышало в начале XVIII в. 5500–5700 человек». Следовательно, самаровские ямщики с семьями составляли ок. 15 % русских жителей Северо-Западной Сибири (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 117–129 об., 130 об. – 149 об., 150–153 об., 155 об. – 156 об.; Кн. 733. Л. 83–95 об.; Кн. 748. Л. 9 об. – 10 об., 24 об.; Кн. 853. Л. 315 об. – 330; Кн. 1214. Л. 245 об. – 270; Кн. 1243. Л. 197 об. – 209 об.; Кн. 1613. Л. 51–109 об., 113–140 об.; Оп. 3. Стб. 731. Л. 40; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607–1634 об., 1637 об. – 1649; *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 325, 465).

их заметными участниками экономической жизни. В свободное от гоньбы время большинство из них занимались не только земледелием и животноводством, но и торговлей, добывающими и обрабатывающими промыслами (охотничьим, рыбным, мукомольным, кожевенным, ткацким, кузнечным, гончарным и др.)[54]. К примеру, в начале 1620-х гг. в уездах Верхотурском ямщикам принадлежали 22,7 % обрабатываемых пашен (475,5 четей в каждом поле), 15,5 % перелога (319 четей в каждом поле), 15,7 % покосов (11 682 копны), 22,8 % мельниц (8 из 35), 5,6 % мест и сооружений для рыбной ловли (3 из 53), Туринском — ок. 9 % действующих пашен (163 чети с осьминой в каждом поле), 6,8 % перелога (63 чети с третником в каждом поле), 14,3 % сенокосов (3 730 копен), Тюменском — 26,6 % действующих пашен (725 четей в каждом поле), ок. 13 % перелога (135 четей без третника в каждом поле), 21,1 % покосов (4 410 копен), 16,6 % мельниц (1 из 6), 20 % перевесий (1 из 5)[55]. Экономической активности ямщиков благоприятствовали их лучшая обеспеченность (по сравнению с иными хозяйствами) тягловой силой (лошадьми) и постоянные служебные поездки в европейскую часть России, в ходе которых они могли продавать пушнину и приобретать товары, пользовавшиеся спросом сибирского потребителя[56]. Впрочем, серьезных преимуществ перед другими чинами в пошлинном обложении ямщики не имели[57].

Занятие предпринимательством усиливало имущественную дифференциацию среди ямщиков. На ямах встречались богатые и среднего достатка лица (с «животами» и годовыми доходами от торгово-промысловой деятельности соответственно от 40 руб. и выше и от 10 до 39 руб.). Так, в начале 1620-х гг. к ним относились верхотурцы Голомолзины, Ощепковы, Переваловы, Чапурины (имели мельницы и рыбные ловли, торговали хлебом, пушниной и «всякими тавары»), в 1620-х — начале 1650-х гг. — туринцы Коркины (владели мельницами и амбарами, продавали хлеб и доставленные «с Руси» товары), а в 1680-х гг. — начале XVIII в. — Щегловы (сбывали в европейской России меха, а за Уралом — «своего привозу» «руские товары»), в 1650-е – 1690-е гг. — самаровцы Шаламовы (Шеламовы) (ссужали день-

[54] *Семенов О. В.* О вкладе ямщиков в хозяйственное освоение Сибири до начала XVIII в. // Известия Уральского федерального университета [в печати].

[55] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 450–452, 453–453 об., 473 об., 479 об., 491, 509 об. – 510, 529, 541, 566 об., 568 об., 575 об. – 586, 652; Ф. 1111. Оп. 4. Кн. 1. Л. 6 об., 70–70 об., 71–93, 97 об. – 98.

[56] Как правило, ямщики доставляли за Урал партии «руских товаров» на небольшие и средние суммы (от нескольких руб. до нескольких десятков руб.) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 906. Л. 128 об. – 129; Кн. 971. Л. 146–146 об.; Кн. 1210. Л. 188–188 об., 213–213 об., 227–227 об.; ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. № 28. С. 300; Таможенная книга Тобольска за 1672/73 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тобольск, Кетск). Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 159, 166–167).

[57] Напр., ямщики не были освобождены от уплаты десятой пошлины (основного таможенного сбора в крае) с провозимых из Сибири «на Русь» и обратно товаров на сумму до 50 руб. Этой льготой с 1671 по 1698 гг. пользовались только служилые люди «закаменных» городов и острогов.

гами аборигенов и ямщиков, приобретали у них угодья), в конце XVII — начале XVIII в. — тюменцы Молоткины (Молодкины) (владели мельницами, одалживали деньги ямщикам под заклад земель)[58]. Состоятельные ямщики эксплуатировали обедневших членов мира и лично свободных сторонних лиц (в незначительных масштабах), у некоторых из них были холопы из крещеных аборигенов[59]. Наемный и подневольный труд использовался в хозяйстве и для гоньбы.

Впрочем, в основной массе сибирские ямщики имели скромный достаток[60]. Их хозяйства были трудовыми (крестьянского типа). Они велись силами самих ямщиков и членов их семей (без привлечения наемных или зависимых людей). Большинство жителей ямов промыслами и торговлей занимались эпизодически. Это объяснялось их загруженностью службой и повинностями, недостатком средств для полноценного вовлечения в промыслы и приобретения партий товаров, отсутствием серьезных таможенных льгот и необходимых ремесленных навыков, узостью рынка сбыта и др. Среди занятий ямщиков преобладали мелкие торговля и производство, доходы от которых были невелики.

Торгово-промысловая деятельность, подобно сельскохозяйственной, сближала ямщиков с тяглецами и — отчасти — со служилыми людьми. Еще более тесному взаимодействию жителей сибирских ямов с другими социальными слоями способствовала утрата ими компактности проживания. В результате экономической активности (в т. ч. истощения почв у ямских слобод)[61] ямщики широко расселились по уездам[62]. В свою очередь, в ямских слободах оседали

[58] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 471. Л. 591 об.; Кн. 906. Л. 94 об. – 95 об., 128 об. – 129; Кн. 968. Л. 65–65 об.; Кн. 971. Л. 121 об. – 122 об., 146–146 об.; Кн. 1102. Л. 86 об.; Кн. 1210. Л. 246 об.; Кн. 1240. Л. 214 об. – 215; Кн. 1380. Л. 163; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 285. Л. 101; Оп. 4. Кн. 1. Л. 73 об. – 74, 76–76 об., 77 об. – 78, 79 об. – 81, 90–90 об.; Академическая история Югры. С. 234–235, 237, 247; *Семенов О. В.* «Дело» туринских ямщиков Коркиных. Из истории утверждения крепостнических отношений в Сибири в XVII в. // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 3 (37). С. 134.

[59] РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1647; Таможенная книга Тюмени за 1672/73 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тюмень, Пелым). Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 33, 35. Душевладение не свидетельствовало о привилегированности ямщиков. В XVII в. похолопленные крещеные аборигены имелись у разных чинов: служилых, посадских, крестьян.

[60] В 1655/56 г. имущество 96 % демьянцев (91 чел.) было меньше 10 руб., а у 61 % (58 чел.) оно вообще не превышало 1 руб. В 1678/79 г. среди 150 туринских ямщиков не было никого с «животами» и доходами «с промыслов» больше 6 руб. Тогда же у 74 % верхотурских ямщиков (32 чел.), занимавшихся промыслами и торговлей, годовой доход не превышал 5 руб. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 127–139 об.; Кн. 487. Л. 316 об. – 321 об.; Оп. 3. Стб. 731. Л. 40).

[61] В Сибири господствовала переложная система землепользования, что объяснялось в первую очередь наличием свободных земель. На протяжении нескольких лет участок эксплуатировался (без унавоживания), после чего забрасывался. Вместо него распахивались новые земли.

[62] Приведем примеры. Уже в первой четверти XVII в. верхотурские ямщики активно осваивали Тагил и Мугай. В 1623/24 г. здесь у них сосредоточились 91 % обрабатываемых пашен, 45,1 % перелога, 87,3 % покосов. Не позднее конца 1650-х — начала 1660-х гг. верхотурские ямщики в качестве постоянного населения появились на Нице и Ирбите (в Ницинской (Ощепковой) и Ирбитской

«всяких чинов люди». Проживая бок о бок с иными категориями населения, ямщики вступали с ними в разнообразные отношения. Известны примеры не только их конфликтов между собой на хозяйственной почве, но и сотрудничества (совместные промыслы и торговля, отстаивание общих интересов)[63]. С другими чинами (прежде всего с тяглецами) многих ямщиков связывали родственные и дружеские узы[64]. Обычным делом было их ручательство друг по друге в разных вопросах[65], общие пожертвования (вклады) в монастыри[66] и проч.

Жизнь ямщиков опиралась на традиции самоуправления. Население каждого яма составляло светский мир. При необходимости собирался сход. На нем обсуждались важнейшие вопросы местной жизни. Решения принимались большинством голосов. Здесь же избирались (обычно на 1 год — впрочем, не всегда) ямские староста и десятники (до 5 человек на ям)[67]. Вместе с ведавшим текущим

слободах), не позднее середины 1680-х гг. — на Пышме (в Пышминской (Ощепковой) слободе), не позднее 1691 г. — на Нейве (в Краснопольской слободе). В 1683 г. половина дворов демьянских ямщиков (77 из 154) находились в 14 деревнях (Алымка, Уватская и др.), удаленных от ямской слободы до сотни и более верст вниз и вверх по Иртышу. Расселялись по Иртышу и Оби у своих луговых и промысловых (охотничьих, рыбных) угодий и самаровцы. Не позднее середины XVII в. они обосновались близ устья Конды в Колпуховской вол. Тобольского уезда. К началу XVIII в. деревни самаровских ямщиков (Реполовская, Сумкина и др.) были разбросаны на расстоянии до сотни верст от Самаровского яма (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 844. Л. 7; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 194–201 об.; Кн. 418. Л. 197 об.; Кн. 845. Л. 744; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 167/2. Л. 287–289; Стб. 168/3. Л. 89–90; Оп. 2. Стб. 139. Л. 133–134; Академическая история Югры. С. 224–225, 227, 233–243).

[63] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 364. Л. 1, 2; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 968. Л. 81; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 93. Л. 14, 17–18, 20, 23, 25; *Головачев П. М.* Тюмень… С. 73; Таможенная книга Туринска 1674/75 г. С. 19.

[64] Ввиду слабой заселенности края при основании «закаменные» ямы комплектовались «охочими людьми», прибранными главным образом в черносошном Поморье. В большинстве это были выходцы из крестьянской и посадской среды (сдавшие тягло лица, невыделившиеся младшие родственники крестьян и посадских). В дальнейшем ямы пополнялись в основном за счет «розных чинов» сибирских жителей (в т. ч. недавно переселившихся «с Руси») и членов ямских семей (о родственниках ямщиков среди крестьян, посадских, стрельцов, казаков, церковников см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 21. Л. 51, 101 об., 107 об., 118 об.; Кн. 968. Л. 56 об. – 57 об., 63 об. – 64, 135, 136, 136 об. – 138, 139 об.; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 167/2. Л. 287–289; ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 50. С. 225).

[65] Поручительство одного лица по другому предполагало близкие отношения между ними. Ямщиков брали на поруки служилые, посадские, крестьяне и др. В свою очередь, первые ручались за представителей иных социальных групп (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 1. Стб. 791. Л. 1; Стб. 841. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 21. Л. 109 об. – 110; Оп. 3. Стб. 46. Л. 22; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 135/2. Л. 294, 296; Стб. 215/1. Л. 82, 84; АИ. Т. 3. № 86. С. 86; АЮБ. Т. 2. № 257. Стб. 789–790; № 262. Стб. 819, 821).

[66] Так, в ноябре 1697 г. ямщики, посадские и пашенные крестьяне Петр Молотилов «с товарыщи» (всего — 20 человек) «в Туринску приложили в девичей монастырь к церкви Покрову Пречистыя Богородицы чернобурую лисицу промыслу своего» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1307. Л. 28).

[67] Функции должностных лиц светского самоуправления сибирских ямов: представляли ям перед внешним миром, контролировали очередность гоньбы ямщиков, отпускали подводы, взимали с ездоков прогоны, взвешивали провозимую путниками кладь, участвовали в выдаче

делопроизводством ямским дьячком (который нанимался общиной) они входили в штат ямской (мирской, земской) избы. Как известно, для удовлетворения духовных потребностей и коллективного культового общения православное население страны объединялось в приходы. Церковное самоуправление имелось и у ямщиков. На Демьянском и Самаровском ямах (в силу их географической обособленности) приходская община совпадала (территориально и по социальному составу) со светским миром. Религиозные сообщества жителей остальных «закаменных» ямов носили, вероятно, смешанный характер, включая в себя разные чины. Во главе конфессиональной общины стоял выборный церковный староста[68]. Вопросы, связанные с нуждами церкви, решались на приходском сходе[69].

Сибирские ямщики обладали корпоративным самосознанием[70]. Непростое существование делало их активными участниками общественной жизни. Они отстаивали свои групповые интересы перед государством и другими слоями населения посредством мирских челобитных. Москва пока еще прислушивалась к голосу ямщиков и в некоторых случаях шла им навстречу. Впрочем, сплоченность жителей ямов не всегда была на высоте. Имелись примеры выступлений отдельных общинников против коллектива[71]. Еще меньше единодушия встречалось на уровне миров. Конечно, до нас дошли свидетельства их совместных действий[72], однако часто ямы конфликтовали между собой (из-за

ямщикам жалованья, заботились о пополнении опустевших паев и сохранности документов (пожалованных ямщикам грамот), следили за исправным несением общинниками государственных и мирских повинностей, вели загонные книги и т. д.

[68] Церковный староста отстаивал интересы религиозного мира перед приходским клиром и епархиальными властями. Под его руководством содержался и ремонтировался храм. Он же заведовал и распоряжался приходской казной и хозяйством, следил за укомплектованностью церкви священнослужителями и причетниками. Большое внимание старосты уделяли тому, чтобы храм был обеспечен «потребами» (книгами, лампадами, колоколами, воском, ладаном и др.), для покупки которых ямщикам регулярно приходилось ездить в европейскую часть России.

[69] О светском и церковном самоуправлении ямщиков см.: Академическая история Югры. С. 250–255; *Семенов О. В.* Община самаровских ямщиков в XVII веке // Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. «VI Бахлыковские чтения» (1–2 ноября 2016 г.). Сургут, 2016. С. 94–102; *Его же.* Общинная организация сибирских ямщиков в конце XVI–XVII вв. // Былые годы: российский исторический журнал. 2014. № 32 (2). С. 233–238; *Его же.* Приходская жизнь русского населения Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. На материалах Демьянского и Самаровского ямов // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 2 (44). С. 118–123.

[70] Корпоративное самосознание — осознание членами группы своей общности, ее особенностей и целей, способность защищать групповые интересы.

[71] Напр., в середине 1620-х гг. Верхотурский ямской мир не продемонстрировал должной сплоченности в борьбе с «прибылями» тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева. Отдельные общинники готовы были их признать ради личной выгоды (*Семенов О. В.* Отношение сибирских ямщиков к деятельности воеводы Ю. Я. Сулешева // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 189–191).

[72] В конце 1685 г. в коллективной челобитной верхотурские, туринские и тюменские ямщики просили (впрочем, тщетно) запретить возвращавшимся «с Руси» в Тобольск с государевой «по-

«пропускных» и «лишних» подвод, «судовых поделок» и др.)[73]. Взаимные распри объяснялись не только сложностями жизни. Сказывалась географическая разобщенность населения Московского государства, справедливо подмеченная Д. В. Лисейцевым[74]. Так, сибиряки в известной степени противопоставляли себя жителям остальной России. Неслучайно в источниках «Сибирь» («земля Сибирская», «царство Сибирское», «Сибирская страна», «сибирская украина», «сибирские городы») обособлялась от «Руси» («руских городов»). В свою очередь, «сибиряне» («сибирские всяких чинов люди», «сибирцы всякого чина», «сибирские жильцы», «сибирские жители») делились на «тутошних» (постоянное население конкретной местности)[75] и «сторонних»[76]. Далее шло дробление на чины — мирские (служилые и жилецкие, или земские)[77] и духовный, тоже состоявшие из разнообразных чинов[78]. Отсюда, например, «Верхотурского города ямские охотники», «тюменские ямские охотники», «Туринского острогу ямские охотники», «Тоболского уезду Демьянского яму ямщики». Разобщенность ямских миров (наряду с иными факторами)[79] отрицательно сказывалась на их противостоянии государству.

Какое место в общественной структуре (среди «всяких чинов людей») занимали ямщики по мнению властей и их собственным представлениям? В законодательстве, делопроизводственных материалах центральных ведомств и местных воеводских канцелярий, учетной документации, документах частного происхождения насельники «закаменных» ямов, как правило, выделялись в отдельный чин. Они обособлялись от основных категорий служилых людей, оброчников и тяглецов. К сожалению, нельзя с уверенностью сказать,

---

купошной казной» «купчинам» покидать Верхотурье на ямских санных подводах в преддверии весенней распутицы (незадолго до 25 марта). Им следовало дожидаться судового хода. В результате совместных обращений в 1686 г. пяти сибирских ямов правительство приняло решение о введении в крае прогонов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 159, 161, 164, 166; Стб. 749. Л. 451–452; *Семенов О. В.* Организация профессиональной ямской гоньбы… С. 202).

[73] РГБ. Ф. 256. Картон 48. Ед. хр. 2. Л. 5, 5 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 120–123, 141–146; Стб. 967. Л. 13, 13 об., 15; Стб. 990. Л. 3, 6–7, 131–132, 134–139, 145–146; *Семенов О. В.* Демьянские против самаровских // Родина. 2012. № 7. С. 88–90.

[74] У людей отсутствовало осознание «социального единства» за пределами границ собственного города или уезда (*Лисейцев Д. В.* Люди и чины… С. 162).

[75] «Верхотурского уезду розных чинов люди», «Тюменского города всякие люди», «туринские жильцы», «самаровские жители» и др.

[76] «Всяких чинов пришлые и приезжие люди», «прихожие всякие люди».

[77] «Верхотурские служилые и жилецкие люди», «Тобольского города всяких чинов служилые и жилецкие люди» и т. д.

[78] К служилым чинам прежде всего относились собственно служилые люди (по отечеству и прибору) и оброчники, жилецкие (земские) включали посадских, крестьян и проч., духовный делился на иноческий (монашеский) и священнический.

[79] Уже отмеченными зависимостью ямского дела от воеводской администрации и висевшей над Сибирью военной угрозой.

к какой из групп мирских чинов их относили. В том же Соборном уложении 1649 г. (нормы которого распространялись на всю страну) ямщиков включали то в служилые чины[80], то в жилецкие[81]. В некоторых воеводских подорожных и загонных книгах они именовались «служилыми людьми»[82]. По-видимому, здесь сказывались определенная близость ямщиков к последним и неустойчивость терминологии[83]. Возможно еще одно объяснение. В начале 1694 г. в Москву бить челом о жалованьи для своего яма приехали верхотурские ямщики Федор Кузнецов и Алексей Логинов. В подорожной (выданной воеводой И. Е. Цыклером) они назывались «верхотурскими служилыми людьми». Это вызвало недоумение в Сибирском приказе, на что челобитчики дали удовлетворивший столичных дельцов ответ: «писали» их «служилыми людми… для того, чтоб им по городом задершки не было»[84]. Дело в том, что при поездках в Москву сибирские ямщики часто сталкивались в европейской части России с отказом от предоставления им подвод или требованием за них прогонов, когда те не предусматривались. В ряде случаев они действительно сближались с другими слоями. Подобно служилым людям, при обращении к монарху ямщики обычно именовались «холопами»[85]. Иногда вариант самоидентификации менялся на «сироты», которым пользовались тяглецы[86], что опять же было результатом их некоторого сходства между собой и неустоявшейся терминоло-

[80] В 124-й ст. X гл. ямщики перечислены среди «всяких служилых людей» (стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков) (Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. М., 1957. Вып. 6. С. 100).

[81] В 1-й ст. VIII гл. ямщики отмечены среди «всяких жилецких людей, которые живут в городех», и уравнены с посадскими в размере полоняничных денег (ежегодно 4 коп. с двора). Интересно, что бесчестье (оскорбление «непригожим словом») ямщика каралось таким же штрафом, что и посадского «меньшой статьи» — 5 руб. (94-я ст. X гл.) (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 370. Л. 40; Соборное уложение… С. 65, 90).

[82] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 953. Л. 14, 14 об., 71 об. – 72, 93; Кн. 1076. Л. 8, 63 об., 175 об.; Кн. 1154. Л. 7–7 об.; Кн. 1231. Л. 99.

[83] В документах XVII в. терминологические погрешности были распространены. Например, в подорожной, выданной в сентябре 1690 г. воеводой К. И. Кромом крестьянским челобитчикам П. Леонтьеву и А. Ползунову на проезд от Туринска до Москвы, оба лица именовались «служилыми людьми». Порою приборных служилых относили к «жилецким людям», нередко подводную повинность называли «ямской гоньбой», отправлявшее ее население — «ямщиками», юрты (селения) аборигенов — «ямами» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 7. Кн. 9. Л. 92 об.; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 511. Л. 86 об.; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 93. Л. 177).

[84] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1209. Л. 105.

[85] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 506. Л. 85; Стб. 560. Л. 64–65; Стб. 561. Л. 121; Стб. 1181. Л. 8, 9, 19, 20; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 302. Л. 131; Оп. 2. Стб. 389. Л. 45; ДАИ. Т. 7. № 54. С. 272. «Холопами государевыми» назывались и оброчники, служащие приказов, подьячие воеводских канцелярий и таможенных изб, гости, гостинники, суконники.

[86] В обращениях к монарху «сиротами» идентифицировали себя и гулящие люди, и отдельные категории некрещеных аборигенов (ясачные люди, «гонебные татары»).

гии[87]. С посадскими и крестьянами Тобольского разряда ямщики уравнивались в размерах «выхода» (1,5 руб.) и корма (поденного и дорожного) (4 денги в день человеку) при поездках в Москву[88]. Это было меньше, чем для служилых людей, подьячих воеводских изб, духовенства и многих групп аборигенов. «За Камнем» в дни церковных и государевых праздников после богослужения всему населению бесплатно раздавалось «погребное питье»[89]. Ямщикам (как и казакам, стрельцам, посадским, крестьянам) полагалось по 2 чарки человеку[90], однако в 1687 г. с целью экономии средств большинство чинов (в т. ч. ямщики) этой льготы были лишены; она сохранилась за служилыми людьми[91]. В приведенных примерах (которые можно продолжить), демонстрирующих сходство ямщиков с другими социальными категориями, нет ничего удивительного, учитывая сложность и пестроту общественного устройства России в XVII в.

В XVII в. в стране шел процесс укрепления социальных перегородок. Как уже говорилось, при основании сибирские ямы комплектовались добровольцами из разных слоев (в большинстве из крестьянской и посадской среды). При этом ямщики могли легально изменить свой статус, сдав пай другому лицу. Постепенно внешний источник пополнения ямов сокращался. Во второй половине XVII в. в «выбылые места» верстались прежде всего члены ямских семей (сыновья, братья, племянники ямщиков) и возвращенные беглые ямщики, сыски которых становились все более настойчивыми[92] (к последним

[87] Любопытно, что посадское и ясачное население тоже изредка именовалось «холопами государевыми» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 535. Л. 103–104, 242 об.; Оп. 3. Стб. 506. Л. 45; ДАИ. Т. 7. № 3. С. 42–43; СПб., 1869. Т. 11. № 70. С. 203–204; Прибыльные дела… С. 278–279).

[88] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 430; Стб. 476. Л. 56, 316; Стб. 506. Л. 99; Стб. 561. Л. 119; Стб. 632. Л. 91; Стб. 701. Л. 63–64; Стб. 768. Л. 105–106, 107, 110; Стб. 818. Л. 455, 487; Стб. 884. Л. 61–61 об., 62, 73, 73 об.; Стб. 900. Л. 94 об., 95; Стб. 1034. Л. 10, 11; Стб. 1202. Л. 293, 326; Стб. 1209. Л. 16; Стб. 1220. Л. 246; Стб. 1260. Л. 276; Стб. 1462. Л. 75; Стб. 1686. Л. 4, 219; Стб. 1693. Л. 237. За исключением периода с 1646/47 г. по июнь 1648 г., когда всем сибирякам «выход» и корм платились «с убавкою» (в рамках политики правительства боярина Б. И. Морозова по сокращению государственных расходов). «Выходное жалованье» ямщика (как и тяглеца) тогда составляло 50 коп., корм — 2 денги «на день» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1686. Л. 4–5, 18, 18 об., 197, 213, 219).

[89] Вино, иногда и другие напитки (пиво) из казенных погребов.

[90] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 94. Л. 39–40.

[91] Там же. Стб. 983. Л. 405–406, 419.

[92] К примеру, в конце 1650-х — начале 1660-х гг. «по указу великих государей» в верхотурские ямщики была зачислена внушительная группа крестьян Ницинской (Ощепковой) и Ирбитской слобод, некогда входивших в ямскую общину или являвшихся родственниками действующих и выбывших ямщиков (Бердюкины, Кишкины, Голомолзины, Ощепковы и др.) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 844. Л. 7; Стб. 970. Л. 2, 3; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 383; Кн. 418. Л. 159, 161 об. – 162, 167 об., 197 об.; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 284. Л. 43, 44; Оп. 2. Стб. 139. Л. 133–134; см. также: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 572. Л. 13–14, 16–17; Стб. 976. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 348. Л. 179–182; Стб. 560. Л. 312; Стб. 593. Л. 20, 22–28, 52, 53–55; Стб. 689.

активно подключались ямские миры, поскольку нагрузка выбывших членов «великой тягостью» ложилась на коллектив). После Соборного уложения 1649 г. выходили предписания Сибирского приказа, запрещавшие «без государева указу и без грамоты (распоряжения Москвы. — *О. С.*)» зачислять в гоньбу сторонних лиц и переходить ямщикам «в иные чины»[93]. Таким образом, ямская служба приобретала все более наследственный характер[94]. Неслучайно документы за вторую половину XVII в. показывают ямщиков в 3-м и даже 4-м поколениях[95]. Тем не менее ямщики не превратились в замкнутую группу. Этот вывод справедлив и для остального населения Сибири, где, как известно, правительственный курс не был безоговорочно крепостническим[96]. К исходу рас-

Л. 263, 263 об., 265; Стб. 983. Л. 340; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127/2. Л. 370; Стб. 174. Л. 2, 3; Стб. 190. Л. 141–144; ДАИ. Т. 4. № 68. С. 184–185).

[93] В 1669/70 г. «без государева указу и без грамоты» туринский ямщик Василий Перминов поменялся статусом с туринским стрельцом Никитой Максимовым. Когда это обнаружилось в Сибирском приказе в 1680 г., Перминова было предписано вернуть в гоньбу, на его место «в стрелецкую службу» зачислить сына действующего стрелецкого пятидесятника Е. Еремеева Кузьму, а Максимова «из ямской гонбы отставить и велеть ему дожидатца убылого стрелецкого места». Туринским властям наказывалось «впредь никого ис чину в чин без указу не переводить» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 712. Л. 57; Стб. 731. Л. 98–103).

[94] В Соборном уложении 1649 г. закреплялась наследственность социального статуса (всем предписывалось оставаться там, «хто где в каком чину родился»). Лиц, которые «своею охотою» «стали» в иные чины, «по сыску» следовало возвращать с детьми в прежнее состояние.

[95] Для иллюстрации отметим некоторые ямские династии. Отцом и дедом тюменского ямщика Петра Андреева сына Поспелова (1695/96, 1697/98, 1698/99 г.) были тюменские ямщики — соответственно Андрей Васильев сын Поспелов (1684/85 г.) и Василий Поспелов (1630, 1637, 1645, 1652–1653, 1657/58 г.). Самаровец Иван Терентьев сын Ершев (Ершов) (1676, 1683, 1685, 1693 г.) являлся сыном самаровского ямщика Терентия-Дружины Степанова сына Ершева (Ершова) (1655/56, 1676 г.), внуком самаровского ямщика Степана Тимофеева сына Ерша (1642 г.). Туринский ямщик Евтюшка Сергеев (1692 г.) был сыном туринского ямщика Сергея Елфимова сына Твердунова (1679/80, 1685/86, 1686/87, 1690/91, 1692, 1693/94, 1694/95, 1697/98, 1698/99, 1700 г.), внуком туринского ямщика Елфима Иванова сына Твердунова (1623/24, 1646 г.). Федор Григорьев сын Поткин (1680 г.) был верхотурским ямщиком в 4-м поколении — сыном Григория Родионова сына Поткина, внуком Родиона Семенова сына Поткина (1623/24, 1666, 1668/69 г.), правнуком Семена Поткина (1621 г.) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 198 об., 561, 579 об. – 580; Кн. 21. Л. 81; Кн. 610. Л. 368; Кн. 697. Л. 143 об.; Кн. 956. Л. 77; Кн. 968. Л. 91; Кн. 998. Л. 95–99; Кн. 1066. Л. 145 об., 153; Кн. 1102. Л. 129 об., 137; Кн. 1122. Л. 594 об.; Кн. 1176. Л. 371 об.; Кн. 1210. Л. 79, 86 об., 97–102; Кн. 1214. Л. 262 об.; Кн. 1240. Л. 104–118; Кн. 1243. Л. 207; Оп. 3. Стб. 448. Л. 40, 41; Стб. 505. Л. 30, 172, 172 об., 229; Стб. 731. Л. 395; Стб. 787. Л. 30; Стб. 983. Л. 315, 480; Стб. 1056. Л. 160, 317; Стб. 1409. Л. 15; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1640; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 93. Л. 176; Оп. 2. Стб. 139. Л. 114; Стб. 389. Л. 49; Оп. 3. Кн. 23. Л. 86 об.; Оп. 4. Кн. 1. Л. 73 об.; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 6. Л. 262 об. – 263; ДАИ. Т. 3. № 17. С. 77; *Головачев П. М.* Тюмень… С. 132; *Лопарев Х. М.* Самарово… С. 150, 152, 170; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. № 424. С. 582–583; *Шашков А. Т.* Самаровский ям… С. 71).

[96] За Уралом социальные перегородки были слабее, чем в остальной России. Это объяснялось трудностью правительственного контроля над отдаленными и обширными территориями, пре-

сматриваемого нами периода сохранялась практика пополнения ямов другими чинами, а ямщики до конца не утратили социальную мобильность[97].

Таким образом, представленные нами материалы позволяют сделать вывод, что ямщики были особой группой населения Сибири (на языке того времени, «чином»), довольно многочисленной, искусственной (созданной государством) и в целом непривилегированной. Они выполняли специфические функции, имели самоуправляющуюся организацию, обладали корпоративным самосознанием. Отдельными чертами ямщики сближались с приборными служилыми, тяглецами и, вероятно, некоторыми другими слоями, что неудивительно, учитывая дробность и неустойчивость социальной структуры России. Благодаря профессиональной деятельности, участию в хозяйственной, общественной и религиозной жизни они сыграли заметную роль в закреплении края за Москвой. На протяжении XVII в. происходила консолидация чина ямщиков, впрочем, не завершившаяся к началу следующего столетия.

Сокращения

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

Архив СПб ИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

РГБ — Российская государственная библиотека (г. Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

обладанием черносошного землевладения, коррумпированностью воеводского аппарата, ограниченностью людских ресурсов (отсюда — нехватка младших родственников) и т. д.

[97] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 572. Л. 14–15, 18–19; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 117, 118–118 об., 119, 121 об., 122–122 об., 125 об. – 126, 128 об., 129, 132 об., 133 об. – 134, 135 об. – 136, 137 об., 139, 139 об., 140 об., 147, 148, 151 об. – 152, 156; Кн. 968. Л. 83, 282 об. – 283; Кн. 1086. Л. 235; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1615 об., 1618 об., 1619, 1640–1640 об., 1641 об. – 1642, 1643 об., 1644 об., 1645 об., 1646 об., 1647 об. – 1648, 1648 об.; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 167/2. Л. 287–289; Стб. 215/1. Л. 82; Оп. 2. Стб. 139. Л. 134; *Шашков А. Т.* Самаровский ям… С. 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87; *Шишонко В. Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Пятый период (1682–1725 гг.). Пермь, 1885. Ч. 1. С. 131.

Источники

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1993. Т. 1.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2; СПб., 1841. Т. 3; СПб., 1842. Т. 4; СПб., 1842. Т. 5.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. 2; СПб., 1884. Т. 3.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 4, 19, 71, 273, 364, 512, 572, 844, 970, 976, 1172; Ф. 187. Оп. 1. Стб. 791, 841.

Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. / *сост. Е. Н. Ошанина*. М., 1982. Вып. 1; М., 1982. Вып. 2.

Головачев П. М. Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3; СПб., 1851. Т. 4; СПб., 1857. Т. 6; СПб., 1859. Т. 7; СПб., 1862. Т. 8; СПб., 1869. Т. 11; СПб., 1872. Т. 12.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986.

Коновалов Ю. В. Верхотурская именная книга 1632 года // Уральская родословная книга: крестьянские фамилии. Екатеринбург, 2000. С. 315–330.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1; М., 2000. Т. 2; М., 2005. Т. 3.

Памятники сибирской истории XVIII века (1700–1713 гг.). СПб., 1882. Кн. 1.

Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1; СПб., 1830. Т. 3.

Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / *авт. вступ. ст. и комм., сост. М. О. Акишин*. Новосибирск, 2000.

РГБ. Ф. 256. Картон 47. Ед. хр. 38, 40, 81, 104; Картон 48. Ед. хр. 2.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 7. Кн. 9; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5, 10, 21, 41, 47, 126, 328, 368, 389, 418, 450, 471, 487, 511, 535, 585, 610, 656, 673, 697, 733, 748, 761, 801, 845, 853, 861, 885, 906, 914, 938, 953, 956, 968, 971, 998, 1010, 1066, 1076, 1086, 1102, 1122, 1130, 1154, 1176, 1208, 1210, 1214, 1231, 1240, 1243, 1267, 1358, 1380, 1613; Оп. 3. Стб. 14, 30, 46, 72, 94, 102, 107, 134, 263, 348, 354, 376, 448, 474, 476, 480, 489, 496, 499, 505, 506, 560, 561, 593, 611, 632, 689, 701, 712, 731, 735, 749, 768, 787, 817, 818, 884, 897, 900, 907, 936, 959, 967, 983, 990, 1015, 1021, 1034, 1052, 1056, 1071/1, 1071/3, 1181, 1187, 1202, 1209, 1220, 1260, 1307, 1409, 1462, 1559, 1603, 1686, 1693; Оп. 4. Стб. 94, 164; Оп. 5. Кн. 261; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86, 93, 127/1, 127/2, 135/2, 139/1, 141, 148/2, 149/2, 167/2, 168/3, 174, 187, 190, 215/1, 264/1, 284, 285, 302, 304/2; Оп. 2. Стб. 55, 122, 139, 285, 370, 389, 423, 442, 456, 531, 542; Оп. 3. Кн. 23; Оп. 4. Кн. 1, 4.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2; СПб., 1884. Т. 8.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 2, 3, 5, 6, 14.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года // Памятники русского права. М., 1957. Вып. 6.

Таможенная книга Тобольска за 1672/73 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тобольск, Кетск). Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 8–173.

Таможенная книга Туринска 1674/75 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Туринск, Кузнецк и Томск). Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 18–56.

Таможенная книга Тюмени за 1672/73 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тюмень, Пелым). Новосибирск, 2001. Вып. 4. С. 27–76.

ТИАМЗ. КП. 12700, 12711, 12712, 12777, 12830.

Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 65–89.

Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Пятый период (1682–1725 гг.). Пермь, 1885. Ч. 1.

Литература

Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 3.

Акишин М. О., *Ремнев А. В.* Управление Сибири XVI — начала XX века: административная политика, структура и люди // Власть в Сибири: XVI — начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 9–227.

Александров В. А., *Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991.

Анхимюк Ю. В. Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 286–292. EDN XCEUET

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. EDN OGZOCQ

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 6.

Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

Курлаев Е. А., *Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленности. М., 2005. EDN QQWPHX

Лисейцев Д. В. Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI–XVII вв. // Российская история. 2021. № 1. С. 157–163. https://doi.org/10.31857/S086956870013452-8; EDN HQHEWT

Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.

Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. EDN SCSBBT

О. В. Семенов. Сибирские ямщики в структуре российского общества до конца XVII в.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. EDN ROJLVR

Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII вв.). СПб., 2010.

Семенов О. В. «Дело» туринских ямщиков Коркиных. Из истории утверждения крепостнических отношений в Сибири в XVII в. // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 3 (37). С. 132–138. EDN ARQQPN

Семенов О. В. Демьянские против самаровских // Родина. 2012. № 7. С. 88–90. EDN PBDICF

Семенов О. В. Система ямской гоньбы и государственное «судовое дело» в Западной Сибири в XVII веке // Российская история. 2012. № 3. С. 138–143. EDN NNAZJB

Семенов О. В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2013. С. 200–207. EDN PRATZS

Семенов О. В. Отношение сибирских ямщиков к деятельности воеводы Ю. Я. Сулешева // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10. С. 188–191. EDN EGFPXP

Семенов О. В. Приходская жизнь русского населения Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. На материалах Демьянского и Самаровского ямов // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 2 (44). С. 118–123. EDN JLDRTQ

Семенов О. В. Влияние денежной реформы 1654–1663 годов на систему профессиональной ямской гоньбы в Западной Сибири // Российская история. 2014. № 3. С. 91–97. EDN SGGYKZ

Семенов О. В. Общинная организация сибирских ямщиков в конце XVI–XVII вв. // Былые годы: российский исторический журнал. 2014. № 32 (2). С. 233–238. EDN SJRCKN

Семенов О. В. Община самаровских ямщиков в XVII веке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «VI Бахлыковские чтения» (1–2 ноября 2016 г.). Сургут, 2016. С. 94–102.

Семенов О. В. Судьба «прибыльных» мероприятий воеводы Ю. Я. Сулешева в области ямской гоньбы в Сибири в XVII в. // Клио. 2019. № 4 (148). С. 84–92. EDN OBANLF

Семенов О. В. Ямская гоньба в Сибири до конца XVII в.: проблема появления и функционирования // Cahiers du Monde russe. 2019. № 60 (1). С. 147–174. https://doi.org/10.4000/monderusse.11113; EDN NMEMOV

Семенов О. В. Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. // Очерки истории ХМАО — Югры. М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 214–228. EDN QQXMSL

Семенов О. В. Порядок обеспечения верхотурских ямщиков денежным жалованьем в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История.

Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 5. С. 48–58. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.3; EDN GURSKB

Семенов О. В. «Прибыльная» деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова в области ямской гоньбы в Сибири в XVII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 166–179. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.011; EDN PGEQKR

Семенов О. В. О вкладе ямщиков в хозяйственное освоение Сибири до начала XVIII в. // Известия Уральского федерального университета [в печати].

Хлебников Н. И. О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб., 1869.

References

Akishin M. O., Remnev A. V. Governance in Siberia from the 16th to the Early 20th Centuries: Administrative Policy, Structure, and People. *Power in Siberia: 16th — Early 20th Centuries*. Novosibirsk, 2005, pp. 9–227. (In Russ.)

Aleksandrov V. A., Pokrovsky N. N. *Power and Society. Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk, 1991. (In Russ.)

Ankhimiuk Yu. V. A Charter of the Ryazan Yamskaya Sloboda. 1557. *Russian Diplomatarium*. Moscow, 2001, issue 7, pp. 286–292. (In Russ.)

Gurlyand I. Ya. *The Yam Messenger System in the Moscow State until the End of the 17th Century*. Yaroslavl, 1900. (In Russ.)

Klyuchevsky V. O. *Works: in 9 volumes*. Moscow, 1989, vol. 6. (In Russ.)

Kostomarov N. I. *Home Life and Customs of the Great Russian People*. Moscow, 1993. (In Russ.)

Kurlaev E. A., Mankova I. L. *Development of Ore Deposits in the Urals and Siberia in the 17th Century: At the Origins of Russian Industrial Policy*. Moscow, 2005. (In Russ.)

Liseitsev D. V. People and Ranks: Complex Issues of Social Stratification in Russia in the 16th–17th Centuries. *Russian History*, 2021, no. 1, pp. 157–163. https://doi.org/10.31857/S086956870013452-8 (In Russ.)

Minenko N. A. *Tyumen: A Chronicle of Four Centuries*. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)

Mosin A. G. *Ural Historical Onomasticon*. Ekaterinburg, 2001. (In Russ.)

Nikitin N. I. *Service People in West Siberia in the 17th Century*. Novosibirsk, 1988. (In Russ.)

Ogloblin N. N. *Review of Columns and Books of the Siberian Prikaz (1592–1768)*. Moscow, 1901, Part 4. (In Russ.)

Preobrazhensky A. A. *The Urals and Western Siberia at the End of the 16th — Early 18th Century*. Moscow, 1972. (In Russ.)

Puzanov V. D. *Military Factors of the Russian Colonization of Western Siberia (Late 16th–17th Centuries)*. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)

Semenov O. V. The Case of the Korkins' Yamshchiks in Turinsk. From the History of the Establishment of Serfdom in Siberia in the 17th Century. *Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2011, no. 3 (37), pp. 132–138. (In Russ.)

Semenov O. V. The Demyanskys versus the Samarovskys. *Rodina*, 2012, no. 7, pp. 88–90. (In Russ.)

Semenov O. V. The Yam System and the State Shipping Business in the Western Siberia in the 17th Century. *Russian History*, 2012, no. 3, pp. 138–143. (In Russ.)

Semenov O. V. Organization of Professional Postal Service (Yamskaya Gon'ba) in the Trans-Urals and Siberia in the 17*th* Century: The Introduction of Mileage Fees (Progony). *Humanitarian Academic Science of the Urals: Priorities and Prospects of Research. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference.* Ekaterinburg, 2013, pp. 200–207. (In Russ.)

Semenov O. V. The Attitude of Siberian Yamschiks to the Activities of Voivode Yu. Ya. Suleshev. *Problems of Russian History*. Ekaterinburg, 2013, issue 10, pp. 188–191. (In Russ.)

Semenov O. V. Parish Life of the Russian Population of Western Siberia in the 17th — Early 18th Centuries. Based on Materials from the Demyansky and Samarovsky Yams. *Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2013, no. 2 (44), pp. 118–123. (In Russ.)

Semenov O. V. The Influence of the Monetary Reform of 1654–1663 on the System of Professional Yamskaya Gon'ba in Western Siberia. *Russian History*, 2014, no. 3, pp. 91–97. (In Russ.)

Semenov O. V. Community Organization of Siberian Coachmen in Late 16–17 Centuries. *Bylye Gody (Foretime): Russian Historical Journal*, 2014, no. 32 (2), pp. 233–238. (In Russ.)

Semenov O. V. The Community of Samarovtsy Yamschiks in the 17th Century. *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference: VI Bakhlykov Readings*. Surgut, 2016, pp. 94–102. (In Russ.)

Semenov O. V. The Fate of the "Profitable" Activities of Voivode Yu. Ya. Suleshev in the Field of Yamskaya Gon'ba in Siberia in the 17th Century. *Klio*, 2019, no. 4 (148), pp. 84–92. (In Russ.)

Semenov O. V. Postal Relay in Siberia until the End of the 17th Century: The Problem of Emergence and Operation. *Cahiers du Monde Russe*, 2019, no. 60 (1), pp. 147–174. https://doi.org/10.4000/monderusse.11113 (In Russ.)

Semenov O. V. Government Communications in the North of Western Siberia in the Late 16th–17th Centuries. *Essays on the History of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra.* Moscow; Khanty-Mansiysk, 2020, pp. 214–228. (In Russ.)

Semenov O. V. The Procedure for Providing Verkhotur's Yamschiks with a Money Wage in the 17th Century. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2023, vol. 28, no. 5. pp. 48–58. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.3 (In Russ.)

Semenov O. V. Tobolsk Voivode P. I. Godunov's Profit-Seeking Activity in Yamskaya Gon'ba in Siberia in the 17th Century. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2023, no. 1 (25), pp. 166–179. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.011 (In Russ.)

Semenov O. V. On the Contribution of Yamschiks to the Economic Development of Siberia before the Beginning of the 18th Century. *Izvestia. Ural Federal University Journal* [in print]. (In Russ.)

Vershinin E. V. *Russian Colonization of North-Western Siberia at the End of the 16th–17th Centuries*. Ekaterinburg, 2018. (In Russ.)

Khlebnikov N. I. *On the Influence on the Organization of the State in the Tsarist Period of Russian History*. St. Petersburg, 1869. (In Russ.)

Информация об авторе

Семенов Олег Владимирович
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России

Уральский федеральный университет
620083, Российская Федерация,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: helg2008@list.ru

Information about the Author

Semenov, Oleg Vladimirovich
Cand. Sci. (History), Associate Professor at
the Department of Russian History

Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620083 Ekaterinburg, Russian
Federation
E-mail: helg2008@list.ru
https://orcid.org/0000-0002-3590-0135